

МИХАИЛ КОСТИН
АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

Михаил Костин
Алексей Андреевич Гравицкий
Живое и мертвое
Серия «Живое и мертвое», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4243495
Живое и мертвое: Снежный Ком М;*

Аннотация

Витано – великий город и последний оплот человечества. Город живет силой гильдии магов, стараниями городского совета и крепостью городских стен, что отделяют Витано от мира Пустоши. За городской стеной нет жизни. Винни это известно, как всякому другому горожанину.

Но судьба преподносит Винни непрощенный подарок. По воле случая молодой человек попадает за пределы города. Мир Пустоши оказывается совсем не таким, каким рисовали его власти Витано. Представления о мироустройстве, что вдалбливали с раннего детства, оказываются фикцией.

Винни ошарашен. Он вживается в новый мир, а за его спиной уже плетутся интриги и поднимают головы невероятно могучие силы, ведь невинная прогулка парня за пределы города для многих может оказаться роковой.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	10
3	17
4	29
5	42
6	61
7	68
8	75
9	79
10	91
11	101
12	106
13	116
14	127
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Михаил Костин, Алексей Гравицкий Живое и мертвое

Часть первая Живое

*Друзья, давайте все умрем —
К чему нам жизни трепетанье?
Уж лучше гроба громыханье
И смерти черный водоем.*

А. Гуницкий

1

Косые солнечные лучи пробивались сквозь грязное оконное стекло и устремлялись дальше вглубь дома.

Солнце наполняло комнату теплым светом. От разводов грязи на стекле по полу, столу и буфету разметались бесформенные тени.

Винни с тоской ковырял ложкой овсяную кашу. Конечно,

можно было уйти в Академию не завтракая, но это расстроило бы маму.

Мать Винни всю жизнь варила по утрам овсянку, которую страстно любил отец. И хотя уже минул год, как папы не стало, традиция тем не менее сохранилась. Винни, в отличие от батюшки, кашу люто ненавидел, но признаться в этом матери, нарушить сложившиеся годами устои, он не посмел бы. Нельзя сказать, что юноша к семнадцати годам был эталоном послушания, но мать расстраивать не любил. Особенно в последний год. Смерть отца наложила свой отпечаток, сделала Винни взрослее.

Винни снова нехотя ковырнул кашу. Звякнуло. С таким звуком в окошко попадает мелкий камешек. Живи он этажом выше – и закадычный друг Митрик был бы вынужден стучать в дверь, как это делают все нормальные люди. Но Винни жил на втором этаже, а Митрик ленился топать вверх по лесенке и попросту швырял в окошко всякую мелкую ерунду, чтобы привлечь к себе внимание. Делал он это с детства, и «камешки в окошко» тоже стали своеобразной традицией.

Винни подошел к окну, распахнул створку и высунулся на улицу. Теплый весенний ветерок пахнул в лицо, донося запахи огромного города и пекарни за углом, взъерошил волосы.

Митрик был на своем обычном месте. Стоял, прислонившись спиной к стене дома напротив. Светлые, цвета соломы, вихры непокорно торчали в разные стороны.

– Винька, – задорно крикнул Митрик. – Ты там уснул?

– Иду, – отозвался Винни, подумав о том, что свежая выпечка к завтраку из пекарни за углом была бы очень кстати.

Прикрыв окно, он вернулся за стол и с невероятной скоростью, не жуя, проглотил остатки овсянки. В прихожей обулся, подхватил сумку с тетрадками и книгами, крикнул дежурное «до свидания, мам!» и выскочил за дверь.

Лестница с корявыми стесанными ступеньками бросилась под ноги, норовя свалить и приложить по носу стеной, перилами или ступенькой. Винни привычно проскакал вниз, не замечая коварных сколов, о которые запросто можно было споткнуться, и выскочил на улицу. После мрачноватой лестницы солнце ослепило, заставило зажмуриться. Запах весны и пекарни ударил в нос оглушительной волной, и Винни замер на секунду, пытаясь осознать себя в этом мире.

– Ты чего, не проснулся? – подскочил к нему жизнерадостный Митрик. – Идем скорее! Первая лекция у декана. Опоздаем, он с нас шкуру спустит.

– Не спустит, – уверенно заявил Винни. – Успеем.

И он зашагал вперед с весьма и весьма приличной для его скромных габаритов скоростью. Митрик, хоть и был на голову выше приятеля, и ноги имел явно длиннее, а все же с трудом поспевал за другом. Нагнал уже за углом, где дух пекарни валил с ног и заставлял даже сытого пускать голодную слюну. Оставив манящий запах позади, Митрик и Винни закрутились в лабиринте улочек, запетляли, как могут только

люди хорошо знающие путь и понимающие, где можно срезать, а где нужно обойти. А улицы знатного города Витано молодые люди знали, как свои пять пальцев. Здесь они родились и выросли, здесь родились и выросли их родители, бабушки, дедушки, дяди, тети и все остальные близкие и не очень родственники. Собственно говоря, они не знали ничего другого. Впрочем, ничего другого и не было. Ведь каждый, от младенца до беспробудного выпивохи в самом захудалом кабаке, знал: Витано – последний и единственный людской город в этом мире. Знал, что за высоченной каменной стеной его окружает ров с мутной водой, а по границе рва проходит магический рубеж, который защищает жителей от вторжения полчищ монстров. Правда, Винни не знал, по внешней или по внутренней границе. Никто не знал, разве что маги или члены Совета.

С другой стороны, вопрос о точном расположении магического барьера волновал разве что мальчишек. Те, что помладше, в своих спорах даже до драк доходили. Винни еще в школе несколько раз дрался из-за этого с Митриком. Тогда, в детстве, это казалось особенно принципиальным моментом. Теперь же данный вопрос вызывал вялый интерес, из чего Винни сделал вывод, что годам к тридцати-сорока расположение барьера и вовсе перестанет будоражить его мысли. Да и с чего тут будоражиться? Известно, что дальше жизни нет. Что за рвом живут только чудовища. Что маги, хвала им, честь и долгая лета, защищают город от этих самых чу-

довищ. Значит, жизнь продолжается. И думать надо о жизни, а не о том месте, где ее нет. А жизнь есть только в городе.

– Не беги ты так, – задыхаясь, проговорил Митрик.

– Сам же говорил, что опаздываем, – обернулся Винни.

В отличие от длинноногого приятеля, он умел ходить очень быстро, не сбивая при этом дыхание.

– Уже не опаздываем, – покачал головой Митрик. – С твоими способностями... Тебе бы спортивной ходьбой заниматься.

– Да иди ты, – огрызнулся Винни, не поняв по интонации, серьезен товарищ или издевается.

Митрик смолчал. Не то окончательно выдохся от быстрой ходьбы, не то обиделся. Впрочем, даже если и обиделся, Винни не собирался драматизировать по этому поводу. Приятель столько раз обижался и так быстро отходил, что напрягаться из-за его очередной пятиминутной обиды было бы глупо.

Винни сбавил ход и вдохнул весну полной грудью. Дальше он шел, уже не торопясь, с удовольствием разглядывая знакомые дома, которые даже спустя многие годы не переставали поражать его, как не переставал поражать его и весь город. Винни не знал, какими были древние города людей, но Витано был поистине грандиозен. Город, не имея возможности расти вширь, с годами все глубже врастал в землю и устремлялся ввысь. Недра под городом были изрыты многоярусными тоннелями. Узкие улочки проваливались между высоки-

ми, в два десятка этажей, а то и выше, домами. На чем держались эти дома, если под ними год от года появлялись все более глубокие уровни тоннелей, а сами они становились все выше и тяжелее, Винни не знал, но искренне преклонялся перед гением витановских архитекторов и инженеров. Митрик же был уверен, что здесь не обошлось без магии. Может и так, да только узнать об этом достоверно все равно не представлялось возможным. Разве что судьба вдруг улыбнулась бы, и Митрик с Винни попали в ученики к магам. Но это не светило ни одному, ни другому. Так нечего и голову ломать.

Улочка круто повернула, и колодец между высокими домами стал заметно шире. Площадь перед Академией – безусловная роскошь для Витано, как и само здание Академии всего в семь этажей высотой. Но за все время существования города на эту площадь, как и на две другие – перед зданием Совета и перед оплотом магов – никто не покусился.

Винни посмотрел на огромные часы, украшающие вход в храм знаний и улыбнулся приятелю:

– У нас еще пять минут. А кто-то говорил: «Не успеем».

2

Декан, тощий и длинный, телосложением напоминал жердь из деревенского забора. Вид он имел всегда хмурый и сосредоточенный, будто знал что-то такое, что было недоступно оболтусам вокруг. Знал и думал об этом денно и нощно, а оболтусы то и дело отвлекали от дум, чем жутко раздражали.

Господин Урвалл, так его звали, читал студентам Академии историю Витано и основы его социального и политического устройства. Предметы казались Винни интересными, но манера подачи материала вызывала лишь дремоту и скуку. Декан ходил между столами, отщелкивая длинными ногами шаги с неумолимостью секундной стрелки. При этом словно поклевывал длинным носом. Казалось, чуть резче шагнет – и стукнет своим шнобелем в затылок сидящего рядом студента. Знания господин Урвалл вдалбливал примерно так же – с безразличием и монотонностью метронома. Потому интересные, казалось бы, вещи приходилось не понимать и запоминать, а записывать и зазубривать.

– Если мне не изменяет память, – шаг за шагом и слово за словом отщелкивал господин декан. – Две недели назад мы говорили с вами о Пустоши. Что есть Пустошь? Господин Спум?

Эрик Спум вскочил из-за парты, словно ему всадили в се-

далище что-то острое.

– Пустошью называют территории, непригодные для проживания людей и кишасщие чудовищами. Никто из жителей Витано не знает, где и как появилась Пустошь, но достоверно известно, что появившись, она быстро поглотила окружающие земли, уничтожив все живое. Маги не смогли справиться с Пустошью, потому они оградил Витано барьером. Хвала непревзойденным умам и долгая лета великим магам.

Отгарабанив все это на одном дыхании, Эрик споткнулся и умолк, судорожно сглатывая. Выражение на его лице было растерянным и напряженным – он явно пытался сообразить: не упустил ли какой-то важной детали в своем ответе.

– Достаточно, – снизошел Урвалл. – Итак, в условиях, когда Пустошь постоянно представляет реальную угрозу, а все ресурсы ограничены, горожанам приходится следовать списку строгих правил и законов, которые регулируют каждую сторону их жизни. Этот свод правил называется... Господин Франн?

Взгляд декана уперся в Митрика. Тот неохотно повернулся, но вставать не стал.

– Кодекс Жизни, – небрежно отозвался он.

– Правильно, – кивнул декан. – Кодекс Жизни – священная книга, составленная еще первыми магами Гильдии. Уже тогда маги понимали всю отчаянность положения Витано и потому сделали все, чтобы город смог выжить. Когда же стало понятно, что Пустошь остановлена, а непосредственная

угроза вторжения миновала, Гильдия решила отойти от общественной жизни и сосредоточиться на изучении магии и волшебства в надежде отыскать способ победы над Пустошью. Себе на замену Гильдия учредила... Господин Бирк, что учредила Гильдия?

С заднего ряда встал светловолосый юноша с белой, как мел, кожей. Он робко огляделся и замер.

– Итак, Господин Бирк, я жду, – протянул декан, когда пауза слишком затянулась.

Молодой человек сглотнул и робко застонал, чем вызвал волну смеха. Урвалл позволил хохоту прокатиться по залу, после чего поднял руку и окинул взглядом учащихся. Тишина вернулась.

– Господин Бирк, попрошу ответить.

Юноша, теперь уже с лицом отчаянно красного цвета, собрался и выдавил:

– Верховный Совет.

– И что же такое Верховный Совет? – не унимался декан.

– Это орган власти, который занимается управлением города и контролирует соблюдение Кодекса, – проямлил Бирк.

– Правильно, но не полно, – покачал головой декан, – Совет также утверждает новые законы, выбирает следопытов, защищает стены города и распределяет продукты среди нуждающихся горожан. Совет состоит из сорока человек, чьи должности передаются по наследству. Новый член совета мо-

жет быть выбран, только если ушедший не имеет наследника...

То, что рассказывал сейчас декан Урвалл, для Винни звучало немного фальшиво. Если верить декану, то Совет представляет собой гармоничное целое, но почему тогда столько лет по городу бродят слухи о постоянных распрях и странных случаях загадочных болезней, исчезновений и происшествий, связанных с членами Совета и их родственниками? А на днях Винни случайно подслушал, как хозяин пекарни рассказал по секрету одному своему клиенту, что все члены Совета злоупотребляют положением. Винни своими ушами слышал, как пекарь говорил, будто члены Совета запросто назначают своих родственников не только в Совет, но и в следопыты в обход стандартной процедуре. Возможно, пекарь и врал, но, как часто говорила мама, дыма без огня не бывает.

– Чем вы заняты, господин Лупо?

Винни вздрогнул, услышав свою фамилию, и посмотрел на возвышающегося над ним декана. Тот выглядел так, будто готов был клюнуть. Причем без предупреждения и побольнее. Винни почувствовал, как по спине пробежал озноб. Урвалл тем временем выпростал вперед руку и ухватился за край тетради. Тетрадка, брезгливо зажатая между тонкими длинными пальцами декана, повисла, вывернув на всеобщее обозрение фрагмент конспекта и человечков на полях. Забавных фигурок Винни за это время успел начиркать штуки

три. Причем один из человечков удивительным образом походил на декана.

Урвалл хмыкнул и разжал пальцы. Тетрадь шлепнулась на стол.

– О чем вы мечтаете, Винни Лупо? Хотите стать великим художником? Или жаждете доли следопыта? Я знаю, все вы в этом возрасте стремитесь в следопыты. Так вот, господин Лупо, вы им не станете. Я вообще не понимаю, что вы здесь делаете.

– Учусь, – потерянно промямлил Винни.

– Нет, вы не учитесь. Вы витаете в облаках. Совет и Гильдия заботятся о вас с детства. Совет и Гильдия охраняют вас от опасности, которую таит в себе Пустошь. Совет и Гильдия дают вам пищу, кров. Дают вам возможность жить. Совет и Гильдия дают вам право учиться. Они дали вам прекрасное школьное образование. Лично вам, господин Лупо, Совет и Гильдия подарили возможность окончить школу и поступить в Академию. Спрашивается, для чего? Что бы вы на лекциях по основам социального и политического устройства Витано рисовали дурные шаржи?

В аудитории, где и без того было тихо, установилась совсем уже замогильная тишина.

– Нет, – выдавил Винни, чувствуя, что своими картинками он совершил нечто ужасное. Покусился даже не на декана, а на Кодекс Жизни, Совет и Гильдию, вместе взятые.

– Если вы планировали стать ассенизатором или чернора-

бочим, то и не стоило идти в Академию. Вы знаете, к чему вас обязывает высокое право учиться в этих стенах? Вы уже не станете чернорабочим. И за это вы должны сказать спасибо Совету и Гильдии. А вы... Вы никогда не достигнете серьезных высот, покуда вместо того чтобы учиться, будете мечтать стать следопытом.

– Я не хочу быть следопытом.

Винни вдруг неожиданно даже для самого себя поднял голову и открыто посмотрел на декана Урвалла.

– Кем же вы намереваетесь стать, молодой человек? – фыркнул декан.

– Я хочу получить должность в министерстве жизнеобеспечения.

Урвалл фыркнул. Винни снова смутился и поспешил спрятать глаза. Нехитрые желания его казались теперь почему-то постыдными, хотя ничего такого в них не было. Понятно, конечно, что все мальчишки мечтают стать следопытами, но почему он, Винни Лупо, должен быть как все? Или он не имеет право на собственные желания?

– Учитесь, – назидательно произнес декан и снова зашагал своей ключющей походкой между парт. – Хвала Совету и Гильдии, у вас есть такая возможность. Цените ее, будьте благодарны за нее и пользуйтесь ею в полной мере. Вам ясно, господин Лупо?

– Простите, господин Урвалл, – промямлил Винни. – Я был не прав. Но я исправлюсь и воспользуюсь большими

возможностями, которые мне достались благодаря Совету и Гильдии. Хвала Совету и Гильдии!

Урвалл хмыкнул. На Винни он глядел так, словно пытался понять, раскаивается нерадивый студент или иронизирует. Декан явно подозревал второе.

3

Занятия закончились. Неплохо было бы отправиться домой и сесть за домашние задания. Но судя по брошенному вскользь вопросу «куда теперь?», Митрику этого хотелось не больше, чем Винни. А Винни этого совсем не хотелось. Весна не давала покоя и тянула куда угодно, только не в мрачную комнату, в темный угол за стол с книгами и тетрадями.

Умные мысли давно покинули голову, и теперь там витало что-то легкое и бессмысленное. И Винни хотелось бессмысленно порхать, ощущая весну каждой частичкой своего тела. Пусть даже это усугубляло его вину перед Советом и Гильдией, давшим ему все и просящим взамен лишь об одном, чтобы он правильно отыгрывал свою социальную роль.

– Айда наверх! – предложил Лупо приятелю.

– Да ну, – скуксился Митрик. – Чего там делать на твоём верху?

Но Винни уже топал к ближайшему небоскребу, и Митрик вынужден был согласиться.

Они пересекли площадь, нырнули в узкую, как и все другие, улочку и зашли на площадку подъемника. Двое рабочих неспешно загружали подъемник тугими пыльными мешками. Но товарищам повезло, погрузка вышла на свою завершающую стадию.

Рабочие кряхтели и морщились под своей ношей, из че-

го можно было заключить, что мешки не из легких. Третий мужчина в рабочем костюме стоял на подъемнике между Винни с Митриком и воротом и ждал. Этому было глубоко плевать на погрузку. В его обязанности входило только крутить целыми днями ворот подъемника.

Погрузка закончилась, и рабочий схватился за ворот. Вдулись мышцы, выступили от натуги жилы на лбу. Рабочий покраснел, уперся сильнее. Площадка подъемника вздрогнула и медленно поползла вверх.

– Seriously нагрузили, – усмехнулся Митрик. – И не тяжело мешки целый день таскать?

– Это наша работа, – пожал плечами один из волочивших мешки рабочих.

– А не много нагрузили? – участливо спросил Винни и кивнул на рабочего, с натугой крутящего ворот. – Он выдержит?

– Это его работа, – отозвался второй рабочий. – Не беспокойтесь, он, если надо, умрет от натуги, но подъемник дотянет до верху и не сорвется.

Винни отвернулся от покрасневшего, как рак, и хрипящего от натуги рабочего и принялся рассматривать окружающий пейзаж.

Высоченные дома, мутные стекла окон, зашторенные изнутри. Балконы и лоджии, засаженные чахлой растительностью. Не цветами, кому нужны цветы, а рассадой, овощами, фруктовыми кустами, ягодами. Но вырастает здесь что-то се-

рьезное редко. Слишком плотная застройка. Слишком мало солнца. Слишком редки его лучи. Это Винни повезло, его дом на окраине и расположен окнами кухни на восход. Потому каждое утро на час, может, чуть больше, в его окошко заглядывает солнышко. Мало кто в Витано может таким похвастать.

По стенам домов ползут вверх и вниз подъемники, несут грузы и людей. По несколько штук на каждом доме. Улоч-ки между домами узкие, крохотные. Снуют люди. Немного. Ведь люди по Витано редко ходят без дела. Особенно днем. А по делу еще реже, потому как работа большинства горожан не способствует передвижению.

Подъемник не спеша добрался до верхних этажей. Стали видны зеленые заросли. Повеяло запахами земли и фермерского хозяйства. Звуки здесь тоже были уже не городскими. Из тех, что слышны были внизу, остался только скрип ворота и натужное кхеканье рабочего.

Ворот скрипнул в последний раз. Площадка подъемника вздрогнула и замерла над бездной в двадцать три этажа и сколько-то там еще подземных уровней.

Винни огляделся. Во все стороны убежали зеленые равнины. Участки делились на ровные квадраты и прямоугольники. Одни из них были утыканы грядками, другие тянулись ввысь ветвями плодовых деревьев, где-то колосились злаки, в иных местах по зеленому лугу гуляла скотина.

Здесь, наверху, о городе напоминали только границы гео-

метрически правильных участков. Издалека они смотрелись черными провалами, а по сути провалами они и были. Впрочем, границы эти были весьма условны. Превращенные в фермерские хозяйства крыши небоскребов соединялись между собой навесными мостиками. Веревоочные конструкции с дощатыми поперечинами выглядели хлипко и пугающе раскачивались на ветру. Но Винни знал, что за все время существования Витано ни один такой мостик не рухнул и ни один человек с него не сорвался. А других доказательств надежности и не требовалось.

С крыш вообще не падали, несмотря на кажущуюся опасность предприятия. Сконструированы крыши-хозяйства были таким хитрым образом, чтобы защитить жителей верхних этажей от протеканий, а фермеров и случайных гостей от возможности случайно свалиться вниз. Была ли в этих конструкциях задействована магия или они существовали только благодаря гению инженерной мысли, Винни не знал. Невозможная, казалось бы, сельская жизнь уровнем выше городской существовала в Витано столетиями, подтверждая своим существованием гениальность создателей.

– Чего застыл? – пихнул в бок Митрик.

Винни отвлекся от созерцания полей и огородов и уставился сперва на рабочих, затем на приятеля.

– А?

– Пошли уже, – поторопил Митрик.

Винни послушно соскочил с площадки подъемника и

устремился на зеленую крышу. Трава шевелилась на ветру, как живая. Захотелось разуться и пройтись по ней босиком, почувствовать ее щекотание.

– До свидания, господин, – вежливо попрощался тот из рабочих, что крутил ворот. Двое других уже поспешно, как муравьи, тащили куда-то мешки.

Винни, ушедший уже довольно далеко, вежливо кивнул и помахал рукой. Не орать же, в самом деле. Митрик, который оказался ровно посередине между Винни и рабочим, бросил назад бодрое «счастливо!» и поторопился вслед за приятелем.

Винни топал, задумчиво глядя под ноги. Митрик подумал, что, должно быть, друга что-то беспокоит.

– Я вот иногда думаю: эти мужчины, – проявился вдруг голос Винни, подтверждая догадки приятеля. – Им ведь лет по сорок. Они много лет работают на благо Витано. А я всего лишь окончил школу и учусь в Академии. Почему они мне говорят «господин», а не я им?

– Потому что у тебя мозгов больше, – не задумываясь, откликнулся Митрик. – Ты мог бы окончить три класса и крутить ворот. Или таскать мешки после четырех классов. Но ты умнее, значит, ты рожден для другой работы. Какой именно – станет ясно, когда закончишь обучение.

– Это несправедливо. Он ведь сделал больше, чем я. Я же еще вообще ничего не сделал, только учусь.

– Сделаешь потом. Это жизнь. Ты же знаешь правила. Тот,

кто не может учиться, становится рабочим. Тот, кто учится плохо или средне, становится ремесленником, пекарем там или плотником. А тот, кто учится хорошо и попадает в Академию, работает в министерствах. В общем, кто добивается большего, тот и господин. Представляешь, что было бы, если б этот рабочий вдруг однажды решил не вертеть больше ворот, а пойти работать в министерстве? Что бы стало с министерством? И кто бы тогда стал крутить ворот? В этом мире все справедливо, Винька. Когда этот дядька учился, у него была возможность делать это усерднее, окончить школу, поступить в Академию. Равные возможности, понимаешь. А он вместо этого вылетел из школы и пошел крутить ворот. Значит, такая у него судьба. И незачем тому, кто крутит ворот, печь хлеб или конструировать дома.

– Но ведь...

– Он упустил свои возможности. Значит, он всю жизнь будет крутить ворот. Витано кончится в тот день, когда кто-то решит поступить иначе. Это не я сказал, это Кодекс Жизни.

Ветер теплой волной гулял над полями и огородами. Ласково, словно пытающаяся добудиться мама ранним утром, тормошил волосы. Вместе с ветром прилетели теплые запахи молодой зелени и коровьего навоза. Сидевший на траве Винни вдохнул полной грудью и зажмурился, подставляя лицо солнцу. Из головы уходили остатки мыслей.

Думать не хотелось. Зачем? Винни любил бывать здесь,

над городом, именно потому, что здесь не нужно было думать. Нет, не то чтобы не думать вовсе. Но не так жестоко, расчетливо и цинично, как в городе. Хотя, безусловно, свой расчет был и здесь.

Жизнь в деревнях над городом была совершенно иной. Менее обустроенной, более простой, близкой к чему-то первозданному и потому существенно уютной, что ли. Здесь было легко и спокойно. И хотя перед фермерами ставились сложные и трудновыполнимые зачастую цели и задачи, но при своей трудоемкости цели эти были честнее, что ли. И думать здесь надо было о деле, природе и людях, а вовсе не о том, как играть свою социальную роль, и уж тем более не о том, как бы строить дело, с улыбкой мороча того, кто морочит голову тебе.

Фермерские хозяйства жили будто сами по себе. Они, безусловно, зависели от города внизу, но при желании могли прожить и без него. Канализация, вымывающая нечистоты в ров, окружающий городскую стену, работала исправно на любой высоте. Продуктами питания фермеры были обеспечены. В специальных баках накапливалась и хранилась дождевая вода, а на складах имелся некоторый запас материалов и инструмента. Так что если бы деревни вдруг оказались отрезанными от города, проблемы выжить не возникло бы. Впрочем, иногда, в неурожайные годы, деревням приходилось обращаться за помощью к магам, и те находили какие-то магические возможности добывать продукты бук-

важно из ниоткуда. Как это делала Гильдия и почему нельзя было создавать пищу постоянно, а не только в случае форс-мажора, не прибегая к фермерству, Винни объяснить, конечно, не мог.

– Хорошо, – Винни улыбнулся и открыл глаза.

Митрик, сидевший рядом, благостного настроения приятеля не разделял.

– Чего тут хорошего? Дерьмом воняет. Солнце слепит. Ветер дует. Брр-р, – Митрик подумал и добавил: – Хотя внизу тоже противно. Скорее бы уже закончить учебу и сбежать отсюда.

Винни подался вперед и с удивлением вылупил на друга.

– Куда сбежать?

– За стену, – пожал плечами Митрик.

За стену был только один выход – стать следопытом. Но это было весьма опасным предприятием и потом надо было иметь недюжинные способности. Быть следопытом Витано считалась огромной честью, и из сотен молодых претендентов, что каждый год собирались на главной площади, выбирали лишь несколько десятков. Счастливики проходили двухлетний курс обучения и тренировок, после чего отправлялись в Пустошь. Винни знал, что Митрику такая удача не светит. И хотя декан Урвалл был прав, говоря, что все мальчишки мечтают стать следопытами, Винни казалось, что Митрик уже вышел из розового детства, когда люди ярко

мечтают, не способные трезво мыслить, реально оценивать свои способности и возможности.

– Ты что же, хочешь следопытом быть? – искренне удивился Винни.

– Ты будто не хочешь, – огрызнулся Митрик.

– Не хочу, – честно сознался Винни, но приятель не поверил.

Взгляд у Митрика стал недоверчивым. Не поверил он, явно не поверил.

– Это ты декану заливай, – ехидно ухмыльнулся Митрик, подтверждая догадку Винни. – Мне не надо.

Винни стало обидно. Он поднялся на ноги и пошел к бездонному краю зеленого поля.

– Винька, ты чего, обиделся, что ли? – догнал его голос Митрика.

«В самом деле, а чего тут обижаться?» – подумал Лупо и повернул назад.

– Не обиделся, – буркнул он приятелю. – И я не вру.

– Ну да, – Митрик даже присел под тяжестью сомнений. Лицо Винни было как никогда серьезным, и повода для недоверия вроде не было. Но то, что он говорил утром господину Урваллу, звучало так, будто... было враньем. Причем, не гадкой ложью, а сказкой, какую умный человек расскажет могущественному, чтобы убедить его в своей преданности лично ему и его могуществу в целом.

Винни кивнул.

– И что, – заинтересовался Митрик. – Ты в самом деле хочешь работать в министерстве жизнеобеспечения?

– Да, а что в этом такого?

– Но это же скучно, – возмутился Митрик. – И это на всю жизнь. Ты об этом подумал? Всю жизнь разгонять тоску в министерстве жизнеобеспечения.

– Именно, что на всю жизнь, – рассудительно кивнул Винни. – Детство проходит, и рано или поздно всем хочется покоя и стабильности. Я смотрю на людей постарше и понимаю это. Все хотят покоя. А должность в министерстве – это хороший заработок и несложная работа. Там, говорят, вообще делать нечего. Никто не напрягается.

Митрик остолбенел и вперился ошалевшим взглядом в приятеля.

– А как же благо Витано? Хвала Гильдии и Совету, мы все делаем на благо города.

Последнюю фразу Митрик произнес значительно громче и озираясь по сторонам. Винни усмехнулся. Это в городе у стен есть уши, а здесь, наверху, подслушивать могут только фермеры да коровы. Но у фермеров свои дела, а коровы, если и услышат чего, вряд ли с кем-то поделятся. И это еще одна причина, по которой Винни любил фермерские участки на крышах. Здесь живее ощущалась свобода, которой внизу совсем не было.

– Брось, – ответил он. – Мы все говорим о том, как обязаны городу, о равных больших возможностях, о том, что дают

нам Совет и Гильдия. Но на самом деле, разве кто-то из нас и в самом деле думает так же, как говорит? Вот для тебя кто отец родной? Гильдия или твой папа?

Митрик напрягся. Глаза паренька забегали по сторонам.

– Винька, оставь этот разговор.

– Почему? Сам же начал, – Винни и рад был бы остановиться, но его уже несло. – Да, я думаю о своей жизни, а не о благе Витано. А ты разве, стремясь в следопыты, думаешь о благе города? Или о своих интересах?

– Винни Лупо, ты провокатор, и я не желаю иметь с тобой ничего общего, – нарочито громко проговорил Митрик.

– Но когда мы спустимся вниз, мы все будем думать о благе Витано. Хвала Совету и Гильдии, у нас есть такая возможность.

– А разве это плохо? – вдруг резко остановил его Митрик.

Винни споткнулся и задумался. Нет, не плохо. В этой схеме есть уверенность в том, что делаешь что-то значимое, даже если крутишь ворот подъемника всю жизнь. Есть уверенность в завтрашнем дне. Есть понимание себя на своем месте. Но чего-то не хватает. А вот чего, Винни пока понять не мог. А вот его другу, похоже, не хватало свободы. Может, свободы не хватало и ему самому? Кто знает, они вообще еще мало что понимали. Двое мальчишек, сидящих на траве, высоко над городом. Внизу плыл в жарком воздухе Витано – последний оплот человечества. Дома тянулись нестройными рядами до самой городской стены. А там за стеной был ров

и полная неизвестность, где не осталось места человеку. Где жили лишь жуткие порождения Пустоши.

– Пойдем вниз, – предложил Митрик. – Вечером нас ждет Санти. А надо еще подготовиться к завтрашним занятиям.

– Идем, – кивнул Винни.

Заведение, в котором Санти решил отпраздновать свое совершеннолетие, носило говорящее название «На посошок». Оно словно подбадривало: пей быстрее, а то закроемся. Несмотря на это, наливали здесь круглосуточно. Наливали, естественно, за зоды.

По большей части Витано обходился без универсальных средств обмена. Совет и Гильдия выстроили и искусно поддерживали систему, которая укладывалась в незамысловатый девиз: «От каждого по возможностям, каждому по потребностям». От правоверного жителя Витано требовалось только одно: чтобы он четко, как машина, выполнял свои обязанности. Качественно работал по полученной специальности. Совет и Гильдия не требовали, чтобы их сограждане превращались в рабов и рвали жилы. Никто ни от кого не просил ничего сверхъестественного. Но и халтурить никому не позволялось. А если ты работал на совесть, то беспокоиться в жизни тебе было не о чем.

Совет и Гильдия брали на себя распределение продуктов и товаров между жителями. В результате этих стараний все население города жило примерно на одном среднем уровне. Разве что сами члены Совета жили немного лучше. А как жили маги – не знал никто.

При таком регулируемом распределении работы, пищи

и товаров деньги были абсолютно излишни. И тем не менее, они имели хождение. А питейные заведения были тем редким исключительным местом, где их можно было потратить. Кто владел кабаками в городе, опять же, было неизвестно. В народе поговаривали, что все питейные заведения были созданы Советом и Гильдией, дабы контролировать брожение в народе. Ведь не секрет: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Так это было на самом деле или нет, сказать с уверенностью не мог, наверное, никто в Витано. Но даже если и так, жители трепетно относились и к кабакам, дающим возможность покутить, и к зодам, дающим возможность за этот кутеж расплатиться. Сегодня платил Санти, а точнее, его папаша.

«На посошок» не отличался изяществом, но и не был, что называется, недостойным сына советника, коим являлся Санти. Здесь все было просто, но сработано аккуратно и на совесть. Мощные столы, такие же основательные лавки. Рога и головы каких-то тварей на стенах. Не то неведомых животных, не то чудовищ Пустоши. Откуда здесь взялись эти охотничьи трофеи, не знали даже старики.

Уши, о которых поговаривали в городе, у этих стен, должно быть, тоже были. Но мысли об этом с лихвой перебивали огромные количества выпивки и закуски. Отец Санти посчитал, что восемнадцать лет исполняется только один раз в жизни, и не поскупился. Потому столы ломились, распорядитель подсчитывал потраченные юной компанией зоды, а

сама компания была изрядно навеселе.

В зале стояли шум, звон кружек и веселый гвалт.

Винни знал Санти неплохо. Они учились вместе еще со школы. Но дружны особенно не были. Тем не менее, игнорировать приглашение и обижать именинника было бы невежливо. А отказывать себе в празднике Винни посчитал просто форменной глупостью. Потому в кабак он прибежал, даже не успев закончить с заданием. Впрочем, недоученные конспекты можно подзубрить и утром. Надо только встать пораньше.

С этой мыслью Винни пришел в кабак несколько часов назад. Сейчас он уже не был уверен в том, что сможет встать пораньше и что-то учить. Хмель бил в голову и переворачивал в ней все вверх тормашками. Если сначала Винни мирно беседовал со знакомыми парнями и девчонками, то сейчас его потянуло на подвиги. Очень хотелось петь и дебоширить. Может быть, даже закатить драку. Такие мысли, по всей вероятности, приходили не только в его голову.

Рядом появилась красная от выпивки рожа Митрика с льяняными, взлохмаченными сильнее, чем обычно, волосами.

– Винька-Линька-песий хвост, – весело сообщил он и поднял кружку.

Сидевшие рядом студенты заржали. «Вот что хмель с людьми делает», – азартно подумалось Винни. Только что были собеседники, а сейчас зрители, которым любопытен уже не он, Винни Лупо, а его столкновение с Митриком.

– Что тебе надобно, Митря, – отозвался Винни, поднимаясь из-за стола.

Митрик хлопнул приятеля по плечу и заорал на весь зал:

– Господа студенты, я хочу выпить за этого человека! Посмотрите на него.

Переорать весь гвалт, что стоял в кабаке, Митрику было не под силу, но своего он добился. Часть юных лиц воззрились на него и Винни с явным любопытством во взгляде. Среди прочих оказался и сам именинник. Санти смотрел на Лупо с интересом. С не меньшим интересом на него глядела Вета.

Ветка, а вернее, ее черные огромные глаза, в которых можно было утонуть, как в омуте, давно и упорно лишали Винни покоя, будоражили кровь.

Но познакомиться ближе мешало стеснение. И сам по себе Винни Лупо внимание черноглазой не привлекал. А уж о таком интересе, с каким Вета поглядела на него сейчас, Винни даже мечтать не мог. Возможно, этот интерес к его персоне вперемешку с алкоголем и решили дело так, как оно решилось.

– Это единственный человек в городе, – продолжал балагурить Митрик: – Кто не хочет быть следопытом. Ему это, видите ли, неинтересно.

Санти перехватил взгляд Веты и ревниво сощурился.

– Ну и что? – фыркнул именинник. – Я тоже не собираюсь становиться следопытом. Это только не наигравшимся детям

охота в следопыты. Жажда странствий, мечта об открытии новых земель на благо Витано. Чушь! За благополучие города нужно бороться здесь, внутри этих стен. Здесь, а не там.

Он снова фыркнул и посмотрел на Вету. То, что он сейчас сказал, было революционно смело и могло аукнуться неприятностями кому угодно. Впрочем, неприятности светили кому угодно, только не сыну советника. Уж это Санти прекрасно знал. Здесь наказание было бы минимальным. Разве что подзатыльник и нотация от отца. Но несмотря на всю революционность сказанного, Вета дарила ему свои взгляды только первую половину спича. Потом интерес к имениннику потерялся, и девушка уставилась на Винни с еще большим любопытством.

Винни тем временем пил с Митриком. Даже если приятель таким образом и пытался обидеть и нарваться на драку, ничего обидного для Винни он не сказал. Хмель тек рекой в неокрепшие, но жадные юношеские глотки и находил выход в самых неожиданных проявлениях, давая самые непредсказуемые последствия.

Санти от выпивки и ревности понесло.

– В Пустошь идут только самоубийцы, – крикнул он Митрику и, не чокаясь, опрокинул бокал.

От этого выкрика как будто стало чуть тише.

– Чего это? – тут же окрысился Митрик. – И вовсе не самоубийцы.

– А кто? – вопросом на вопрос ответил Санти.

Они находились друг от друга через стол, потому говорили громко. Громкий разговор привлекал все больше и больше внимания, в кабаке становилось тише, но спорщики этого не замечали.

– Герои, жаждущие развития для Витано, – кинул заученную с детства фразу Митрик.

– Какие они герои, – фыркнул Санти. – Если на убой идут. Пустошь таит в себе опасность и ничего, кроме опасности. Чего там вообще можно выслеживать? Отравленные земли? Чудовищ, с которыми не в силах справиться даже Гильдия.

– Ну, Гильдию ты не трожь, – вступился Винни не то за магов, основавших Витано, не то за приятеля, устроившего весь этот базар. – Маги Пустошь сдерживают.

– Сдерживают, – кивнул Санти. – Вот только сдерживать не значит победить. Только идиот не понимает, что Пустошь смертельно опасна и у любого, кто уйдет туда, не будет никаких шансов.

Вета восторженно поглядела на Санти. Теперь Винни почувствовал укол ревности. Митрик таращился на Лупо, как утопающий смотрит на соломинку. Сам он сейчас вступать в аргументированные споры явно был не в состоянии. Единственный аргумент, на который, судя по выражению лица, у Митрика остались силы – кулаком в зубы.

Вета, смотревшая на Санти, Митрик, с мольбой взирающий на него, или алкоголь подстегнули Винни, а может, все вместе взятое, только Винни зачем-то залпом осушил круж-

ку и крикнул Санти самое глупое и самое провокационное, что можно было брякнуть:

– А ты откуда знаешь? Ты там был?

Санти поперхнулся. Закашлялся. Выглядел он жалко, и Вета снова переключила внимание на Винни.

– А зачем? – заторопился Санти. – Сколько туда ушло следопытов? И ни один не вернулся. Это о чем-то да говорит.

– Ну да, – согласился Винни. – Например, о том, что там все же есть жизнь, где-то далеко за много-много миль от Витано. И кто-то, кто ушел, ее отыскал и остался там. Не потому, что погиб, а потому, что не может вернуться из-за барьера.

Винни говорил глупости, которые приходили в голову. Сам он был уверен в правоте своего оппонента, но в пьяном споре важно было не докопаться до истины, а приковать к себе взгляд невообразимо прекрасных Ветиних глаз.

А внимание Веты сейчас было приковано к нему. Да и Митрик стоял рядом, смотрел с благодарностью и пыхтел, словно его изнутри распирало.

– Ты так уверен, как будто сам там побывал, – разрушил идиллию голос Санти. – Ты случайно не следопыт?

– Нет, – растерялся Винни. – Но говорить о непреодолимой смертельной опасности Пустоши глупо. Как можно судить о том, чего не знаешь.

Чарующий взгляд бездонных черных глаз снова утекал от него к Санти. Тот смотрел с веселым торжеством.

– Тогда о чем мы спорим? – с великодушной небрежностью победителя спросил он. – О том, чего никто не знает? Я верю своим глазам, а они подсказывают, что никто из Пустоши живым не возвращался. И нас, жителей Витано, от Пустоши спасает только магический барьер. Хвала магам, он работает исправно. А проверить твою глупую теорию можно только одним способом. Сходить и узнать, а потом вернуться и рассказать.

Восемнадцатилетний сын советника прицельно посмотрел на Винни. Так смотрит дуло мушкета охранника, которые денно и нощно бдят на стене, хвала Совету и Гильдии.

– Ты готов сходить и проверить свою теорию? – чеканя каждое слово, спросил Санти.

Голос его прозвучал, как колокол на площади возле здания Совета. Тот тоже всегда звучал гулко и грозно. И под его гулкое, многократно повторяющееся «дон-н-н» тоже всегда воцарялась тишина.

Винни судорожно сглотнул. Неожиданно пришло понимание, что в кабаке вдруг стало тихо, что буквально все гости Санти бросили свои разговоры и споры и смотрели теперь на него – Винни Лупо. Выжидаяще смотрел сам Санти, празднующий уже свою победу в споре. Ошарашенно смотрел друг Митрик, будто безмолвно пытаясь сказать: «Эк тебя занесло, дружище». Восторженно глядела Вета, она тоже ждала ответа, но совсем не того, который ожидал услышать Санти.

А Санти не зря был сыном советника. Как изящно завел соперника в тупик. Готов ли он, Винни Лупо, перелезть через стену и сходить туда, откуда никто не возвращался, забавы ради? Разумеется, нет. Завтра с утра в Академию. И дома ждет мама. И вообще, он, скорее всего, не успеет даже через стену перелезть. Его ведь увидят охранники. А у охранников мушкеты и приказ стрелять по любому, кто окажется возле стены без соответствующего разрешения Совета. И не важно, с какой стороны. Стена – это рубеж. По обе стороны рубежа есть зона отчуждения. Туда можно сунуться либо с соответствующими бумагами, либо если решил покончить с жизнью.

Сколько прошло времени с тех пор, как Санти задал ему вопрос? Секунда? Две? Три?

Винни казалось, что тишина длится вечность, что на него смотрят уже не с ожиданием, а с насмешками. По лицу сына советника растекалась победная улыбка. Он не просто выиграл этот спор. Он ударил Винни ниже пояса. Наповал. Осталось только в этом признаться.

Его, конечно, обсмеют. И еще какое-то время будут поддразнивать и тыкать в его сторону пальцем, но потом все забудется и будет долгая спокойная жизнь. Та, которую он себе давно уже распланировал. А насмешки... Да пес с ними. Вот только жалко, что Ветка на него так больше никогда не посмотрит.

Винни повернул голову и наткнулся на подобный черному

омуту взгляд. Она тоже ждала его решения. Совсем не того, которое он принял. А он ее сейчас разочарует...

– Да, я готов, – неожиданно для себя самого вдруг выпалил Винни и посмотрел на Санти.

Усмешка слетела с лица именинника в одно мгновение. Вид у него снова стал растерянным. Словно бы поверженный им противник, не имеющий силенок даже на то, чтобы приподняться, вдруг подскочил одним рывком и нанес сокрушительный оглушающий удар в ухо.

Вокруг загудели, зашумели. Замерший кабак ожил.

– Ты это серьезно? – спросил Санти.

– Да, но я без пропуска к Стене не пойду. Достанешь документы, проведешь меня через охрану, я отправлюсь к Пустоши, – ответил Винни. Голос его звучал убедительно, как будто он действительно был полон решимости осуществить то, о чем заявил. Но на самом деле это было не так. На самом деле, Винни, уже осознав свою ошибку, просто пытался выкрутиться. Он знал, что пробраться к стене без нужных документов было почти невозможно, а достать эти самые документы было еще сложнее, так что если Санти ему откажет, а он должен отказать, Винни выйдет победителем.

Санти задумался, а потом ответил, но совсем не так, как ожидал Винни:

– Хорошо, спорим!

– О чем? – не понял Винни, собравшийся уже почувствовать себя героем.

Санги поднял вверх указательный палец, словно говоря «жди» и поспешно двинулся вокруг стола. Судя по всему, сдаваться он не собирался. Спустя несколько секунд он уже стоял рядом с Винни. Рука именинника метнулась в сторону и уцепилась за стоявшего рядом Митрика за рукав.

– Иди сюда, Митря, – потянул на себя сын советника. – Разобьешь.

Митрик непонимающе смотрел то на друга, то на Санги. Вокруг снова попритихли. Санги протянул Винни правую руку:

– Спорим. Я говорю, что Пустошь смертельно опасна. Ты говоришь, что это не так. Чтобы выяснить, кто из нас прав, я беспрепятственно проведу тебя через охрану, а ты перелезешь через стену и доберешься до Пустоши, принесешь с той стороны... ну, что-нибудь принесешь, какой-нибудь предмет, чтобы мы поняли, что ты действительно там был. Итак, спорим?

На лице Санги снова сияла победная улыбка. Винни посмотрел на протянутую ладонь. Почему-то очень захотелось плюнуть на нее и сказать Санги, что он играет не чисто, что это не честно. Но для всех вокруг это было бы признанием слабости. Для всех. И для Веты.

– Нашел дурака, я за просто так через стену не полезу, – вновь попытался отвертеться Винни.

– А если не за так? – живо поинтересовался Санги.

– А за как?

– Если ты выигрываешь, я тебе плачу тридцать зод. Идет?

Вокруг нарастало оживление. Тридцать зод были не просто хорошие деньги. За такую сумму можно было устроить такое, что массовая попойка в честь восемнадцатилетия сына советника выглядела бы так же, как тихий семейный ужин рядом со свадебным банкетом на две сотни персон.

– А они у тебя есть? – спросил Митрик.

– Да, есть, – не глядя на него, отозвался Санти. – Ну, так как? Спорим? Или ты струсил?

На Винни вдруг накатила злость. Злость на себя, за то, что влез в этот спор. Злость на Санти, что подзуживал и ставил перед жестоким выбором развлечения ради. Хмель будоражил кровь. И он все еще был уверен, что пропуска к стене Санти не достанет и все происходящее – блеф именинника.

«Ну, ты мне за это заплатишь, – пронеслось в голове. – Все тридцать зод. А тогда я вернусь, получу денежки и сделаю предложение Вете».

Винни скрежетнул зубами и схватился за протянутую руку. Сжал настолько сильно, что Санти даже скривился.

– Спорим! – с угрозой произнес он. – Митря, разбей.

Ошеломленный Митрик ударил по рукам. И снова все загомонили, придя в неопишимо дикое движение. Вокруг пили, орали, смеялись. Лезли к Винни, ставшему вдруг героем. Рядом появилась Вета, чмокнула в щеку и затараторила, как она рада, что ее знакомый оказался таким смелым и оправдал ее ожидания. У Винни закружилась голова, и он потонул

в хороводе восторгов.

Только именинник стоял в стороне от всего этого и с за-
таенной злостью смотрел на неожиданный успех Винни Лу-
по. Впрочем, Санти не зря был сыном советника. Он знал
немного больше и умел выжимать победу даже из своего по-
ражения. Временного поражения.

Когда они вышли из кабака, на улице уже стемнело. Только кое-где горели фонари. И похолодало. Винни сразу почувствовал озноб. Поежился. Санти вышел вперед и уверенной походкой направился в сторону стены. Остальные нестройно пошлепали следом. Они шли впятером: Винни, Санти, Митрик и еще двое друзей именинника.

По пьяни на стену собирались лезть чуть ли не все, кто сидел в кабачке, но спорщики по здравому размышлению решили толпу за собой не тащить, велели дожидаться в заведении. И зрители покорно остались. Пошли только самые близкие друзья – в качестве свидетелей.

Впрочем, сейчас, когда от холода и свежего воздуха хмель начал терять свои чудесные свойства, Винни Лупо крепко усомнился, стоит ли участвовать в этой глупой аванюре, в которую его втравил Санти. А может, просто признать свое поражение и все? Денег он никому не должен, спорили-то на деньги Санти. Ну, опозорится, ославится как трепло. Зато все будет по-прежнему. Разве что...

Юноша представил себе глубокие черные глаза. Представил, какое выражение примет очаровательное личико Веты, когда она узнает, что Винни отказался, что он вовсе не тот герой, каким хотел казаться... И сомнения принялись терзать Лупо, но уже с другого бока.

– Слушай, мы уже рядом, – позвал он Санти. – Где пропуск?

– А пропуск нам не понадобится, – ухмыльнулся именинник.

– Что значит «не понадобится»? – разозлился Винни. – У нас же уговор. Ты достаешь пропуск, а я лезу через стену.

– Винни, если мне не изменят память, я не обещал достать пропуск, я обещал провести тебя через охрану.

Винни стал судорожно вспоминать детали их спора, а вспомнив, отчетливо осознал всю коварность плана Санти. Тот действительно не обещал пропуска.

– Но как мы пройдем мимо охраны? – не отчаивался Винни.

– Сдрейфил? – обрадовался именинник.

– Нет, – покачал головой Винни. – Но у них мушкеты. И они будут стрелять.

– Не будут, – отмахнулся Санти. – Их самих там не будет вместе с мушкетами. Я знаю, когда у них смена караулов. Там, куда мы идем, минут через десять. Так что заберемся на стену, ты спустишься и все. Главное, не трати время.

Винни тяжело вздохнул, понимая, что отговорка не сработала, и пошлепал дальше с мрачной решимостью. Внутри что-то дергало и подмывало отказаться, но пойти на попятную он уже не мог. Вета никогда больше не посмотрит даже в его сторону, если он откажется. А так – вернется, и слава и внимание ему обеспечены, да еще при деньгах. Пытаясь

подбодрить себя этой мыслью, Винни ускорил шаг.

– Слышь, Сантьяго, – подал голос Митрик. – А если охрана все же вернется?

Санти остановился, резко обернулся и зло поглядел на Митрика.

– Ты чего, забыл, кто мой отец? – сердито прошептал он. – Одно слово – и любой охранник будет делать то, что нужно. Скажут отпустить Лупо – отпустит и ни слова никому не скажет. И заглохни уже. Пришли почти.

Митрик замолчал и чуть поотстал. Зашагал плечом к плечу с Винни. Молча он прошагал всего с десятков шагов. Потом приблизился к приятелю и зашептал в самое ухо:

– Слышь, Винька, мне это не нравится. Не лез бы ты туда.

Митрик выглядел протрезвевшим и напуганным. Винни и сам рад был бы никуда не лезть, но выбор был не велик. И опасность, которая была за стеной, блекла перед мыслью о том, что будет, если он вернется назад, так и не решившись перелезть через стену.

– Поздно, – покачал головой Винни.

– Ты это из-за Ветки, что ли? – продемонстрировал чудеса проницательности Митрик. – Плюнь на нее. Зачем из-за девки шкурой рисковать?

– Умолкните, сказал, – цыкнул на них Санти. – Пришли.

И Винни понял, что обсуждать что-то и отказываться поздно.

На стену вскарабкались споро, не проронив ни слова. Подъем сопровождало лишь тяжелое посапывание. Сверху гулял довольно резкий неприятный ветер. Холодной колючей лапой лез за шиворот. Людей не было. Санти не соврал: у стражей на этом участке был пересменок. Других объяснений их отсутствию не было. Разве что они дружно отравились выпить по кружечке или справить нужду.

– Быстрее, – шикнул сын советника.

Пока Винни разглядывал зубчатый край стены, именинник стравливал на внешнюю сторону веревку, прихваченную с собой из кабака.

– Что? – встрепенулся Винни.

– Лезь, давай, – поторопил Санти.

Винни подошел к краю. Руки ухватили веревку. Держась за нее, он вспрыгнул на край стены и посмотрел вниз. Много-много локтей вниз. Сколько? Даже представить страшно. От высоты захватывало дух. Но он спустится. А потом еще с десяток шагов до рва и вплавь на ту сторону. А там...

Что ждало его там, по другую сторону рва, Винни не мог даже представить. Дальний край воды упирался в мутный туманный берег, а дальше все растворялось в густой дымке, превращалось в размытую непроницаемую стену тумана. То ли там и в самом деле был туман, то ли такой эффект давал установленный магами защитный барьер. Сейчас об этом думать не хотелось.

– Лезь уже, – Санти нервно оглядывался по сторонам, не

идет ли кто. – Сколько тебя еще ждать?

Винни изо всех сил вцепился в веревку и начал медленно спускаться на другую сторону. Веревка терла непривычные к подобным упражнениям ладони. Перед глазами мельтешила однообразием кладка. Сверху слышалось надсадное дыхание державшей веревку четверки молодых людей. Потом сопение стало тише, а вскоре и вовсе пропало. Теперь Винни слышал только свое дыхание и всплески воды где-то далеко внизу. А может, и недалеко.

Спуск казался бесконечным, но смотреть вниз он боялся. А вдруг он все еще очень высоко, и от зрелища бездны под ногами закружится голова?

Он так и не рискнул поглядеть вниз, покуда ноги не уперлись в твердое. Тогда Винни встал на ноги, отпустил веревку и посмотрел наверх. Там через край перегнулись четыре, крохотных с такого расстояния, любопытных головы. Лица Санти, Митрика и еще двоих пареньков светились в темноте светлыми пятнами, которые трудно было с чем-то спутать. Винни помахал им натертой рукой и потрусил ко рву.

Санти закрепил веревку, посмотрел сначала направо, где был один выход на стену, потом налево, где находился второй, через который вылезли они. Караул должен был явиться справа. Им нужно было уходить налево. Причем, как можно скорее.

– Плывет, – похвалился Митрик, отваливаясь от края сте-

ны и глядя на спорщика. Шансы на победу у сына советника, по мнению Митрика, таяли на глазах. Винни уже сделал то, что казалось невозможным. Все остальное в сравнении с этим выглядело теперь несущественным.

– Пусть, – кивнул Санти. – Уходим.

Двое его приятелей безропотно повернули налево и потопали к спуску.

– Как уходим? – опешил Митрик. – А Лупо?

– А что Лупо?

Митрик задохнулся. Глаза его полезли из орбит, кулаки стиснулись.

– Ты обещал, что поможешь ему вернуться. Ты говорил, что твой отец...

– Ты его здесь видишь? – спокойно перебил Санти.

– Кого? – растерялся Митрик.

– Моего отца.

Митрик мотнул головой, не совсем понимая, куда клонит сын советника.

– А раз его здесь нет, – хладнокровно отозвался Санти. – Значит, он не поможет. Ни ему, ни нам. Уходим. Вернемся позже.

– Но... – протянул Митрик.

– Хочешь, оставайся, – пожал плечами именинник. – А я пошел. Через минуту здесь будет стража, и тогда никто уже никому не поможет, зато совесть у тебя будет чиста.

Митрик застыл в нерешительности. Санти и двое его дру-

зей уходили прочь. Митрик глянул вниз, где в черной воде рва плескался Винни. Секунду-другую он боролся с желанием позвать друга. Он мечтал сейчас только об одном – чтобы Винни обернулся. Он корил себя только за то, что позволил Лупо полезть на эту стену вверх, а потом по этой веревке вниз. Ругал себя последними словами, что не отговорил друга от идиотской затеи. И мечтал, чтобы тот обернулся. Но чуда не произошло. Винни Лупо плыл в черную неизвестность, не оглядываясь. А звать его сейчас было смерти подобно. И для самого Винни, и для тех, кто остался на стене, включая самого Митрика.

Выждав еще секунд пять, он отвернулся от стены и побежал вслед за Санти. Оставалось верить, что они вернутся позже с полномочиями и вытянут Винни Лупо из-за стены.

Любви к Вете у него нет и никогда не было. А страсть не греет. И выветрившийся алкоголь тоже. Винни отчетливо понял это на середине рва. Вода во рву, если это густое, склизкое и вонючее нечто можно было назвать водой, оказалась не просто холодной. От нее стыли члены, немели ноги, сводило челюсти, а зубы выплясывали танец, как разудалая компания пьянчужек в покинутом кабаке.

Подожди Митрик еще несколько мгновений, и чудо, которого он так ждал, свершилось бы. Винни обернулся. Но только Митрика на стене уже не было.

В груди екнуло. Сначала пришла мысль: что-то идет не

так. Потом он понял, что произошло и внутри похолодело настолько, что вода во рву показалась теплой, как парное молоко. На стене никого не было! Ни спорщика Санти, ни друга Митрика, ни двух молчаливых Сантиных спутников.

Что происходит? Он попытался взять себя в руки. Все просто, его компаньоны решили не светиться и отошли от края. Они ждут его. Вон и веревка висит, как висела. Ему нужно успокоиться, доплыть до дальнего берега, подобрать там любую ерунду, что покажется необычной. Хоть камень, хоть золотую монетку, хоть череп погибшего следопыта, хоть хвост сожравшего его чудовища – что угодно. И вернуться с этим обратно. И все. Он переплывет ров обратно, добежит до стены, его вытащат – и все закончится.

«Кто тебя вытащит? – предательски поинтересовался внутренний голос. – Никого же нет. Все ушли. Ты никому не нужен. Да и не было уговора, что кто-то будет тебя вытаскивать».

От этой мысли Винни вздрогнул и забарахтался. Шумно, нелепо, поднимая тучи брызг. На какое-то время он почувствовал себя брошенным, а следом пришло ощущение еще более дикое. По спине прокатился липкий, как вода во рву, страх. А что если в этом рву тоже живет какое-то чудовище? И оно сейчас как раз подплывает к нему снизу, прицеливается, примеряется к глупой шумной жертве. Рассчитывает, как бы проглотить в один присест.

Не может быть? Очень даже может. Ведь никто не знает,

по какой границе рва проходит барьер, установленный магази, хвала Гильдии.

В нескольких локтях от него булькнуло, словно кто-то невидимый в толще воды выдохнул, выпуская пузырь воздуха. Винни обдало жаркой волной. Ничего не соображая, он развернулся и погреб обратно к стене.

Пусть его назовут трусом, пусть смеются, пусть Ветка никогда не посмотрит в его сторону, и Санти не заплатит ни единой зоды. Пес с ними со всеми. Сейчас для Винни не играли роли ни зоды, ни Веткины глаза, ни мнение сверстников. Сейчас он знал только одно – он очень-очень хочет жить.

Работая руками и ногами изо всех сил, Лупо греб к берегу. Вода от его гребков бурлила так, словно он плыл не через ров, а через кипящий котел, под которым полыхает пламя. Снова что-то шлепнулось. На этот раз не позади, а спереди.

Винни перестал грести, завертелся, пытаясь углядеть источник опасности. Но его не было. Юноша посмотрел вперед, на стену. Там бледнели пятна встревоженных лиц. От сердца отлегло. Его не бросили! Но он не успел порадоваться этой мысли.

– Вон оно! – рявкнул со стены незнакомый хриплый голос.

Наверху, на гребне такой далекой стены, захлопало, как хлопушки на площадях города в праздники. А через мгновение перед ним снова что-то шлепнуло. Совсем близко.

На осознание реальности ушло еще несколько бесконечно долгих секунд. А когда осознание это произошло, Винни

почувствовал, как тело деревенеет и идет ко дну.

В него стреляли! На стене были не четверо подвыпивших студентов Академии Жизни, а группа стражей с мушкетами. И от смерти Винни Лупо спасло только расстояние и несовершенство мушкетов. Если бы на стене дежурил хороший стрелок с хорошим луком, Винни уже плавал бы утыканный стрелами и без признаков жизни. Вот только луками сейчас мало кто вооружался, и хороших лучников в Витано не осталось. В угоду прогрессу стражу вооружали мушкетами. Убойная сила мушкетов была выше, а их заряды убивали значительно быстрее и вернее. Вот только прицельная дальность у мушкетов была не ахти.

Винни захлебнулся, дернулся и рванул вверх. Вода попала в рот и в нос, заставляя кашлять и отплеиваться. Привкус был отвратный. Но это сейчас было не главным. Главное вырваться из плена воды. Главное выжить!

Он снова развернулся и погреб прочь от стены. Сзади что-то кричали, хлопали выстрелы мушкетов, плямкали пули, буранчиками поднимающие воду за спиной и уходящие в толщу вонючей жижи. Винни не обращал на это внимания. Он плыл к спасительному берегу. Что бы там ни ожидало, оно выглядело сейчас безопаснее.

Крики и выстрелы неслись одинаково во все стороны от стеньг. Слышно их было и в городе. В окнах зажигался свет. Жители окраины высовывали на улицу встревоженные за-

спаннные лица. С опаской смотрели в сторону стены. До четверки бегущих по улице студентов им не было ровным счетом никакого дела.

Митрик сбился с ходу, остановился, сложившись пополам и упершись руками в колени. Дыхание тоже сбилось. Вырывалось из груди с хрипами.

– Стой! – окликнул он.

Санги и двое его безмолвных приятеля остановились. Сын советника обернулся и подошел к Митрику, глядя на него с превосходством, сверху вниз. Он, казалось, не запыхался вовсе.

Митрик распрямылся и ответил прямым взглядом.

– Что еще? – резко, словно не ответил, а отвесил пощечину, спросил Санги.

– Стреляли, – пробормотал не то вопросительно, не то утвердительно Митрик.

Санги кивнул.

– Они же убьют его, – Митрик хотел крикнуть, но голос взвился петухом и сорвался на сип. Вышло жалко.

– Мы поспорили, – пожал плечами Санги. – Он проиграл.

Санги смотрел на него в упор. Взгляд был открытый и злой. На губах играла легкая усмешка победителя. Он смотрел не просто с превосходством. Он смотрел так, будто был недобрый взрослым дядей, пообещавшем маленькому мальчику конфету за то, что он уберется доме и сбегает в лавку за хлебом и молоком. А когда пришла пора расплаты, дядя

вместо конфетки сунул фантик с пустотой внутри.

Митрик почувствовал, как внутри закипает обида и бес- сильная ярость. Там, у стены, откуда они позорно бежали, сейчас убивали его друга. А он бежал вместе со всеми и даже не попытался его спасти. А тот, кто обещал защиту, смотрел на него с глумливой улыбкой.

Злость накатила ярой волной, заволокла глаза темной, как венозная кровь, пеленой. Митрик стиснул кулаки и двинулся на Санти.

– Ты же обещал, что твой отец... – начал он и запнулся.

Что-то стиснуло с двух сторон, задержало, вывернуло ру- ки и оттащило назад. Лицо сына советника, по которому так хотелось вмазать, отдалилось. В спину уперлось твердое и холодное. Пелена спала.

Митрик понял, что стоит, прижатый к стене, а с двух сто- рон его держат приятели Санти, так и не проронившие за все время ни единого звука. Митрик дернулся, но вывернуться не получилось. Молчаливые друзья сына советника оказа- лись невероятно крепкими ребятами.

Санти подошел ближе, посмотрел на Митрика так, будто собирался плюнуть в лицо, но не плюнул.

– Митря, мне казалось, ты умнее. А ты такой же безмозг- лый, как и твой дружок, – сказал он.

– Ты говорил...

– Мало ли, что я говорил. Мы поспорили, что он уйдет и вернется. Ты же сам разбивал нам руки. Я говорил, что вер-

нуться из-за стены не может никто, что лезть туда – самоубийство, но твой приятель решил доказать обратное. Если он вдруг вернется, я, как и договаривались, отдам ему тридцать зод и признаю себя проигравшим.

Голос Санти звучал тошнотворно фальшиво. Митрик дернулся изо всех сил, но его снова удержали. Хватка у друзей именинника была железной. С тем же успехом можно было пытаться вырваться из-под обрушившегося свода нижнего уровня.

– Его же убьют, – чуть не плача проговорил Митрик.

Санти посмотрел назад, где за домами осталась невидимая теперь стена. Выстрелы и крики стихли. Чуть встревоженная окраина Витано снова погружалась в ночную дрему.

– Уже, – с ледяным спокойствием отметил Санти.

– Что?.. – захлебнулся Митрик.

– Уже убили.

Митрик дернулся, но в рывке этом не было попытки освободиться. Скорее, он напоминал предсмертную конвульсию. Тело его обвисло, словно из него выдернули волю.

– Отпустите его, – кивнул Санти двум своим безмолвным спутникам.

Парни повиновались. Митрик не тронулся с места, только привалился к стене. Двигаться не хотелось, убивать негодяя Санти тоже. Вообще теперь ничего не хотелось. Сын советника подошел ближе и покровительственно положил руку на плечо несчастного Митрика.

– Слушай и запоминай, – вкрадчиво проговорил он. – Мы дошли до стены. Винни Лупо поднялся на нее и перелез на ту сторону. Все. Больше ты ничего не знаешь. Он похвалялся, что перелезет через стену и вернется, но не вернулся. Это ясно?

– Твой отец, – словно не слыша его, пробормотал Митрик. – Он ведь мог его спасти. Ты говорил.

– Очень любезно, что ты вспомнил про моего папашу, – улыбнулся Санти. – И что не забыл, кто он, тоже хорошо. Если будешь держать язык за зубами, Совет выплатит матери твоего Лупо компенсацию. И все будут счастливы. Но если сболтнешь лишнего... Ты же знаешь, кто мой отец. И поверь, у него хватит влияния, чтобы о тебе, как и о твоём Вини, никто и никогда не вспомнил. Ты меня понял?

Санти отпустил плечо и приподнял голову Митрика за подбородок. Посмотрел в глаза. Там стояло безумие вперемешку с тоской и отчаянием.

– У-у-у, – протянул Санти. – Тебе надо успокоиться.

Он едва уловимо повернулся, отпуская Митрика. Что-то звякнуло. На мостовой лежала монетка.

– У тебя зода упала, – кивнул на монетку Санти. – Я бы на твоём месте поднял и пошел назад в кабак, выпил бы еще пару кружечек. Полегчает. Бывай, Митря.

– Нет, так не пойдет, я всем расскажу, что ты сделал с Винни, – пробормотал едва слышно Митрик. Но Санти его услышал. Он сурово посмотрел на Митрика, потом какое-то вре-

мя подумал и повернулся к своим друзьям: – Ребята, идем в кабак.

Санти помахал рукой на прощание. Спокойной уверенной походкой он зашагал прочь.

Когда шаги растворились вдали, Митрик без сил сполз по стене. Сел прямо на мостовую, не сильно заботясь о чистоте штанов и не боясь застудиться. Это с утра он мог думать о таких вещах. Сейчас ему было все равно.

Он вроде бы ничего и не сделал, но в душе сидело поганенькое чувство, что своим бездействием он совершил предательство. А еще было жалко Винни. И было жалко потерять друга. И себя тоже было жалко. До невозможности.

И от этой жалости Митрик съежился и разрыдался. Он плакал, громко всхлипывая и вздрагивая, надеясь в глубине души, что станет легче. Но легче почему-то не становилось.

Сначала смолкли выстрелы, потом затихли голоса. Винни греб, уже плохо соображая. Он плыл, пока не уперся в берег. Тогда выбрался из воды и замер, стоя на четвереньках. Сил не было даже на то, чтобы встать. Сбитое дыхание перекрывало все прочие звуки в мире. Разве что еще слышно было бешенно стучащее в груди сердце. Свихнувшееся от пережитого, оно гнало кровь могучими нервными толчками так, что отдавалось в ушах.

Позади легко прошелестело чем-то легким по водной глади. Винни не стал оборачиваться. Назад оглядываться сей-

час не хотелось. Ситуация была дикой, практически безвыходной. Сейчас, окончательно протрезвев, Винни осознал с убийственной ясностью, во что он вляпался.

Назад хода не было. Сзади был ров. С подводным чудовищем или без него – не важно. А по другую сторону – стена с вооруженными стражами. И с какой бы стороны он не подошел к этой стене, стража на него найдется. И мушкеты у стражи найдутся. И хоть один заряд, да найдет чудище по имени Винни Лупо. А кем он мог быть теперь для стражей, кроме как чудовищем, пришедшим из Пустоши? Ведь известно, что за пределами Витано людей нет.

Нет, назад идти было определено нельзя. Но и вперед идти было невозможно, потому что впереди ждала Пустошь. Разве что вспомнить, что именно он доказывал в этом глупом споре Санти и принять это на веру...

Винни нервно хихикнул. Раз, другой, пока не расхохотался. Дико, как сумасшедшая ночная птица, пугающая своими всхлипами мелкую дичь. Он смеялся до слез. Смеялся и плакал. Долго. Пока не осталось сил даже на то, чтобы смеяться или плакать. Сил не физических, а внутренних.

Он чувствовал себя как тяжеловес, попытавшийся поднять непосильную тяжесть, он даже поднял ее над головой, но сил не хватило. Он не удержал взятое и уронил, а потом попытался поднять снова и надорвался – душа его была надорвана.

С трудом поднявшись на ноги, шаткой походкой он дви-

нулся вперед. В туманную дымку. Предположения не оправдались. Туман оказался не следствием магического барьера, а атрибутом Пустоши.

Все вокруг тонуло во мраке. И при этом имело размытые очертания. словно сумерки, вопреки всем законам природы, разлились не поверх дня, а поверх ночи.

Винни осторожно двинулся вперед. Через два десятка шагов, словно из ниоткуда, вывалилась черная корявая тень. Лупо вздрогнул и отшатнулся в сторону, задним числом соображая, что это было всего лишь дерево. Но, судя по голым веткам, дерево мертвое.

Он попытался успокоиться, но сердце уже снова заколотилось со скоростью парового молота. Паровые машины были редкостью в Витано, но Винни повезло, и он однажды видел несколько таких устройств в действии. Впечатления сохранились на всю жизнь.

Рядом возник странный шорох. словно завозилось в темноте что-то большое, живое и непостижимое, как сама Пустошь. Винни мгновенно замер, весь обратившись во слух. Но ничего, кроме собственного дыхания и выпрыгивающего сердца, не услышал.

– Кто здесь? – тихо спросил Винни у темноты.

Но в ответ услышал лишь ватную тишину. Кто здесь может быть? Чудовища, от которых маги хранят Витано, хвала Гильдии? Или души умерших следопытов? А может, показалось или...

Додумать Винни не успел.

Слева что-то скрипнуло, надломлено хрустнуло и грохнуло о землю. Сердце оледенело, застыло в груди и рухнуло к самым пяткам. А потом снова устремилось наверх, накрывая сознание волной страха, вспенивая кровь в жилах и заставляя Винни бежать куда глаза глядят.

Он бежал, не обращая внимания на то, сколько создает шума. Он и не слышал звук своих шагов или хруст ломающихся под ногами веток. Зато он слышал, как реагирует на его дикий галоп окружающий мир. Слышал, как что-то вскрикивает, вздрагивает, мечется. Как просыпается то, что до его появления тихо дремало. А иногда не слышал, но придумывал. И на каждый звук, пусть даже самый незначительный и безобидный, воображение рисовало дикую, ужасную, невообразимо жуткую картинку.

Сколько он так бежал? Винни не смог бы сказать этого наверняка, даже если бы кто-то решил у него это выпытать. Он не знал, сколько бежал. Не считал, сколько раз спотыкался и падал. Не мог даже приблизительно сказать, сколько раз поднимался на ноги и мчался дальше. Просто в один прекрасный момент он понял, что не может больше бежать. И идти не может.

Дыхание вырывалось с хрипом. Першило в пересохшем горле. Он снова споткнулся, упал на четвереньки и не смог подняться. Рукам и коленям стало мокро. Вода! Он снова вернулся ко рву? В голове заметались шальные мысли. Нет,

это не ров, здесь совсем мелко. А там глубина сразу солидная. Но где он? И что вокруг в темноте?

Сил думать об этом уже не было. Сил подняться тоже. Но страх продолжал гнать вперед, и Винни пополз на четвереньках, а потом и вовсе по-пластунски.

Вскоре под брюхом стало сухо, появилась, кажется, какая-то растительность. Винни упал лицом в траву и замер в полубессознательном состоянии. Сколько он так пролежал? И на этот вопрос у него не было ответа. Счет времени потерялся. В данный момент для Винни Лупо вообще не было ни пространства, ни времени. Ушел страх, отступили эмоции и переживания, пропала жажда жизни. Не осталось, кажется, ничего, даже усталости. Он чувствовал себя так, как чувствует себя, наверное, загнанный зверь. Он устал спасаться, он устал бежать, он устал от собственной усталости.

Теперь ему было все равно. Не только его жизнь или текущее положение дел. Ему вообще все стало безразлично.

Винни с огромным усилием перекатился на спину и устался в темноту. Не видно ни зги. Хотя в отличие от того, что он видел прежде, здесь было, кажется, более ясно. Не было туманного марева. А в темноте возникали какие-то тени. Монстры? Враги? Друзья? Галлюцинации? «Какая разница», – пришла в голову усталая мысль. И Винни провалился во тьму, в которой не было уже ничего: ни теней, ни тумана, ни даже сновидений.

6

Празднование восемнадцатого дня рождения удалось на славу. К такому оптимистичному выводу пришел Санти, оценивая поутру свое состояние. Память сбоила, голова трещала, но потолок, который он увидел, едва раскрыл глаза, был свой, родной. Значит, до дома он как-то добрался. А перед этим окончательно напился.

Санти попытался припомнить, с кем же и как в конечном итоге насвинячился, но вспомнить так и не смог. Плюнув на бесполезные попытки, он направился в ванную комнату. Вода всегда возвращала к жизни молодое тело, столь же непривычное к алкоголю, сколь быстро отходящее от него. Это утро не стало исключением. Через полчаса Санти спускался к завтраку бодрым, свежим и подтянутым.

Отец и мать уже сидели за длинным столом. Завтрак был традицией, которую хотелось соблюдать матери. По этой традиции они все должны были утром собираться в гостиной для поглощения пищи за большим столом. Стол был невероятных размеров. Усаживаться за него имело смысл, когда собиралось более полусотни человек. Завтрак, накрытый на троих, выглядел на нем скудно. Это тоскливое утреннее насыщение не нужно было, кажется, никому. Даже матери, которая на этом настаивала. Но выступить против установившейся традиции никто не торопился.

Мать посмотрела укоризненно. Завтрак приближался к завершению. Она уже пила чай с сырным тортиком. Тонкие пальцы матери изящно сжимали хитро вывернутую ручку фарфоровой чашечки. Мизинец изящно оттопырился в сторону. Она всячески блюла традицию, а сын имел невоспитанность опоздать.

Санти плевать хотел на традиции и материнские заскоки. В традиции завтракать вместе не было ни грамма рациональности, и это злило. И юноша не скрывал своих чувств. Однако вслух ничего сказано не было, все прошло на уровне взглядов. Закончив игру в гляделки, Санти уселся за стол и приступил к еде.

Аппетит уже просыпался, хотя диким назвать его было нельзя. Санти жевал, не чувствуя вкуса, но и не проявляя попыток вывернуться наизнанку. Время от времени ловил на себе взгляды отца.

Тот тоже закончил завтракать. Но в отличие от матери, он пил кофе из стакана в серебряном подстаканнике и листал какие-то бумаги.

Мать доела торт и, сделав последний глоток, опустила чашечку на фарфоровое блюдечко с узорными краями. Отец протянул руку, подвинул к себе коробку с сигарами, вынул одну и закурил. Мать демонстративно встала и вышла. Санти знал, что она не выносит запаха табака. А еще он знал, что знает об этом и отец. Знает и пользуется. Хитроумный папаша всегда закуривал, когда хотел остаться с сыном наедине.

– Ты что-то хотел мне сказать? – вяло спросил Санти, когда мать вышла из гостиной, оставив их вдвоем.

Отец отложил бумаги и вперил в сына долгий усталый взгляд, который не предвещал ничего хорошего. Санти тяжело вздохнул, готовясь к трепке.

– Что ты делал вчера вечером? – задал невинный вопрос отец.

– Пил, – честно признался Санти.

– Много?

– Не очень.

– Значит, тебе нельзя пить вовсе, – зло произнес отец и поднялся из-за стола.

– Это еще почему? – взвился Санти.

Он прекрасно знал, что не прав, но еще ничем не показал, что набрался вчера до положения риз. Разве что вышел чуть позже к завтраку. Но это не доказательство вины. А раз доказательств нет, значит, он прав.

– Потому что сын советника не станет вступать в глупые споры, если только он не дурак или не напился до состояния, когда от дурака уже не отличается, – в голосе отца звучал скрежет металла. Весьма неприятный звук. – Твои умственные способности, конечно, оставляют желать лучшего, но дураком я тебя никогда не считал. Выходит, ты набрался и потерял контроль.

Санти смущенно отодвинул тарелку и плеснул себе в чашку из кофейника. Доказательства вины у отца были. Значит,

спорить бесполезно.

– Извини, – смиренно проговорил он.

– Ты зря извиняешься передо мной, – отстраненным тоном ответил отец. Хотя по его лицу было видно, что ситуация его более чем тревожит. – «Извини» ты скажешь себе, когда из сына советника станешь простым служащим.

Санги вздрогнул.

– Как – служащим? – промямлил он. – Ты же говорил, что сделаешь меня своим преемником. Ведь преемственность в Совете – это закон.

– Я говорил, что когда ты закончишь Академию, ты станешь моим преемником. А лет через десять займешь мое место в Совете, если ничем не запятнаешь наше имя. Если! Понимаешь? Если! Если!!! ЕСЛИ!!!

Отец вскочил из-за стола и заходил вдоль столешницы туда-обратно. Возможно, это успокаивало его, но Санги такая привычка раздражала. Будь перед ним кто-то из сверстников, сын советника уже бы гаркнул: «Перестань маячить!» Но перед ним метался диким зверем, запертым в клетку, его отец. А сказать такое отцу он не мог. Приходилось терпеть.

– Если ты будешь паинькой, то добьешься всего, не прикладывая особых усилий. Но с твоим поведением... найдется десяток желающих занять мое место вместо тебя и имеющих на это в сотню раз больше шансов. Зачем ты отправил за забор этого дурня? Из-за этой девки?

– Папа... – не выдержал Санги.

– «Папа», – противным голосом передразнил советник. – Что «папа»? У тебя есть все, чего можно желать в этом городе. Из-за чего ты можешь ввязываться в такие истории и рисковать всем? Либо из-за бабы, либо из-за отсутствия мозгов. Как я уже говорил, на идиота ты не похож.

Санти потупился.

– И ладно бы один раз дурил, – продолжал фонтанировать праведным гневом отец. – Но это уже третий! Третий на твоей совести! Ты представляешь, сколько усилий мне требуется, чтобы замять это дело? Чтобы никто не вывел закономерности...

– Этого больше не повторится, – перебил Санти.

– А больше и не надо. Потому что на этот раз твоя схема по устранению конкурента не сработала.

Сердце екнуло. Санти похолодел. Не может быть, неужто Митрик раскололся?

Отец тем временем остановился и медленно раскуривал новую сигару.

– Там был один лишний человек, – пробормотал Санти. – Но это не проблема и я...

– Пустошь забери твоего человека! – взорвался советник. – Причем здесь свидетель? Этот твой Винни Лупо жив!

– Как? – потерялся Санти. – В него же стреляли. Он же был обречен. Его должны были...

– Не попали, – советник выпустил струйку дыма.

– Значит, он вернулся в Витано? – Санти нервно закусил

губу.

– Если б он вернулся в Витано, – фыркнул отец, – у нас бы не было проблемы. Ты бы поспорил и перестал думать об этой девке, потому что она в твою сторону больше не посмотрела бы ни разу. Это не проблема. Проблема в том, что он не вернулся. Он ушел.

– Куда? – не понял сын.

– В Пустошь.

– Значит, считай, что он умер, – у Санти отлегло от сердца, и он заулыбался. – Если ушел в Пустошь, считай, труп.

Отец зыркнул злым остервенелым взглядом. Причины такого взгляда Санти не понял. Все же хорошо. Он еще продолжал улыбаться по инерции.

Что-то метнулось на краю видимости. Звонко шлепнуло. Щеку обожгло болью. Он не сразу сообразил, что советник отвесил ему пощечину. Отец не поднимал на него руку никогда. Даже в детстве. И когда мать требовала для сына физического наказания, отец становился на дыбы.

Санти потерял щеку. Лицо горело, будто ошпаренное. И не только лицо. С удивлением сын советника понял, что пощечина оказалась не столь болезненна, сколь обидна.

– Сопляк безмозглый, – процедил сквозь зубы отец. – Я думал, что разговариваю с мыслящим человеком, а ты же не соображаешь ничего. Пошел вон отсюда!

Плохо соображая, Санти поднялся из-за стола и на ватных, негнущихся ногах побрел к дверям. Так паршиво, как

сейчас, он не чувствовал себя никогда. Ему казалось, что он может все, потому что его папа... Сейчас ему показали, что он не может ничего. Он никто. Чья-то рука одним движением подхватила его с трона вседозволенности и швырнула на помойку в пучину злости, обиды и осознания собственной никчемности и бессилия.

– Сопляк безмозглый, – зло повторил советник себе под нос, когда дверь за сыном захлопнулась.

Он испытывал схожие с сыном чувства. И верх иронии был в том, что если сын чувствовал злость, обиду и бессилие по вине отца, то отец чувствовал все тоже самое благодаря выходке сына.

Вначале было слово. Точнее, звук. Звук, издаваемый живым существом. Голос, проще говоря. И в этом голосе Винни уловил птичью трель. Потом возникли мысли, воспоминания, обрывки чего-то большого и неподъемного, что было памятью вчерашнего дня и прожитых до того лет.

Воспоминания о вчерашнем дробились и терялись. Кажется, он напился, а потом... Все, что было потом, показалось бредом, ночным кошмаром. Но кошмаром настолько жутким, что глаза открывать расхотелось.

Винни лежал на чем-то твердом, слушал птичью трель и изо всех сил сжимал веки. Мысли попытались выстроиться во что-то более-менее вразумительное. Если он вчера поспорил с этим именинником, а дальше все было так, как сейчас кажется, то он должен быть где-то в Пустоши. Но ведь в Пустоши не может быть птиц.

Конечно, все, что было видно жителям Витано за барьером, – лишь туман, черная мертвая земля и корявые силуэты лысых деревьев. Что там еще водится, в этой Пустоши, не было доподлинно известно. Но сомнительно, чтобы в краях с таким пейзажем и теми чудовищами, о которых говорят в Академии, а в городе так и просто жуткие истории рассказывают и детей пугают этими байками, могли водиться певчие птицы.

Что тогда? Они полезли наверх, и он заснул на лужайке какого-нибудь фермерского хозяйства? А может, он добрался до дому, но не дополз до кровати и сейчас лежит на полу. Нет, это не пол. Это поросшая травой земля. Поле? Луг? Все же он наверху у фермеров. На кой черт его туда занесло?

Немного успокоившись, думая обо всем этом, Винни поднялся, решительно открыл глаза и огляделся вокруг. Нет, это была не крыша. Это он понял сразу. И это был не Витано. В Витано не было и не могло быть такого бескрайнего луга, такой буйной поросли диких цветов, такого яркого, открытого солнца. И уж тем более в Витано не могло быть черной полоски на горизонте. Деревья, много деревьев. Лес!

Винни никогда не видел леса. Он никогда не мог себе даже представить, что такое лес. Хотя и читал о нем в старых книгах, рассказывающих о тех далеких днях, когда человечество жило по всему миру и не пряталось за барьером в крохотном городке. И хотя назвать Витано крохотным нельзя было, даже будучи вралем, каких поискать и находясь под мухой, но сути это не меняло.

То, что видел сейчас Винни Лупо, не было его родным городом. И частью города оно тоже быть не могло.

Плохо соображая, он поднялся на ноги и пошел, не разбирая дороги. Мысли путались, чувства обманывали. То, что он видел, ощущал каждой клеточкой, в запахи чего внюхивался до головокружения, просто не могло существовать.

Но оно же существовало!

– Где я? – Винни услышал собственный хриплый голос. Только тогда понял, что спросил вслух.

Никто не ответил. Ответить было и некому. Пахучие цветы не умеют разговаривать. Как и бабочки, сколь бы красивы и огромны они ни были. А птицы, хоть и способны к пению, но слов все равно не разобрать. Разве что ты другая птица.

Ответа не было и у самого Винни. Хотя...

Одежда на спине была влажной. По той части одежды, что была ему видна, шли неряшливые разводы. Будто его сунули в грязную жижу, а потом вытащили и подсушили. Если верить воспоминаниям о вчерашнем вечере, то так оно, собственно говоря, и было. Но тогда выходило, что сейчас он находится в Пустоши. А этого уже никак быть не могло.

Чтобы убедиться в справедливости своих мыслей, он оглянулся. Назад уходила тонкая, едва заметная дорожка из примятой травы. Сердце забилось с новой силой.

Точно! Это же так просто. Он же оставляет следы. Всего и надо, что вернуться по собственным следам. Идти, пока не уткнется в ров или городскую стену. Где бы он ни был, далеко он убежать не мог. Не так долго он вчера бежал. А небоскребы Витано видны издалека. Их нельзя не заметить.

Винни развернулся и пошел назад, стараясь не сбиваться с собственного следа. Запала хватило ненадолго. Он пересек поляну, на которой спал, добрался до дальнего ее края, углубился в кусты. Вскоре кусты поредели, земля под ногами стала черной и склизкой, а следы потерялись вовсе.

Юноша остановился и огляделся. Нужно было понять. Но понимания не было.

Впереди раскинулось болото. Черная, вонючая, хлипкая жижа под ногами. Корявые мертвые деревья с черными, скрюченными ветвями. Запах гнили. В просветах между деревьями стелился низкий туман. Так выглядела та Пустошь, которую он знал и видел со стены. Вот только самой стены видно не было, хотя и стена, и небоскребы Витано были достаточно высоки.

Продолжая нервничать и злиться на себя за все произошедшее, Винни зашагал через болото. Под ногами хлюпало. Запах становился невыносимым. Как он вчера его не заметил?

Парень остановился, выудил из кармана платок и сделал из него повязку. Получилось не шибко красиво, зато дышать стало легче.

Он шел и шел. Болото становилось все более топким и гиблым. А стена, которую Винни все еще ожидал увидеть, так и не появилась. Ее не скрывал туман, не скрывали деревья. Создавалось такое впечатление, что ее вовсе не существует и никогда не было.

Мысль эта стучала в голове все сильнее, пока Винни не почувствовал, что начинает сходить с ума. Если Витано нет, то и его, рожденного и выросшего в этом городе, не существует. Но он же есть! И есть воспоминания. Что происходит? И куда он попал? И как?

По глазам резануло чем-то белесым. Винни вздрогнул, не сообразив еще от чего. Мысли разлетелись, как стая воробьев, по которым скучающий охранник жахнул из мушкета. Из болотной жижи торчал скособоченный человеческий скелет. Пустые глазницы тарасились на Винни с абсолютным равнодушием.

Лупо попятился. Тело передернуло судорогой.

– П-пустошь тебя заberi, – пробормотал он себе под нос.

От звука собственного голоса, что прозвучал глухо и потонул в болотном тумане, стало еще жутче. Он не выдержал, развернулся и побежал прочь, поднимая тучи грязных воющих брызг.

На луг Винни выскочил совсем в другом месте. Он точно знал, что место другое. Хотя пейзаж практически ничем не отличался. Та же цветущая поляна, тот же чернеющий лес на горизонте, те же покрытые паутиной и плесенью кусты за спиной. Только трава не примята, что значит – его здесь не было.

Винни шагнул вперед, в травоцветье. Отошел подальше от мертвых кустов, за которыми скрывалось смрадное болото, и устало лег на землю. Вокруг тихо шелестела трава на ветру. Ветер шел от леса, а не от болота. Потому он нес не гнилостную вонь, а букет приятных ароматов луга, цветов, меда и еще чего-то неуловимого и неведомого, чего Винни не знал и не мог узнать за всю свою жизнь. В лазури неба возник

легкий невесомый силуэт. Незнакомая птица будто зависла на мгновение и выдала певучую трель. После чего камнем ринулась вниз, но словно спохватилась и снова устремилась ввысь, чтобы снова повиснуть и чирикнуть что-то не то о своей птичьей жизни, не то о неповторимости окружающего мира.

Мысли текли вяло. Винни лежал, впитывал в себя весь этот мир и пытался приладить к нему свое существование. Назад дорога была отрезана. Каким-то странным, непостижимым образом Витано исчез, словно его не существовало. После увиденного в болоте, возвращаться туда было неохота. Зато впереди был бескрайний мир, который на первый взгляд не казался чем-то пугающим. Скорее наоборот. Вот только Винни почему-то было страшно.

Он лежал и смотрел в небо, не решаясь встать и пойти куда-то. Странная птица давно улетела, зато по небу плыли величественные, как сливки на свадебном торте, облака. Одно из них очертаниями напоминала треугольную крышу Академии. Винни вспомнил декана Урвалла, Митрика, маму... В груди что-то болезненно стиснулось. Захотелось плакать, вот только слез не было.

Винни зажмурился и попытался отгородиться от всех мыслей разом. Первым из головы вывалился декан вместе с Академией. Следом Митрик. Мама не желала покидать мысли, как он ни старался. Даже когда уснул, она еще долго снилась ему. А вот Вета почему-то во сне не пришла. И не

ВСПОМНИЛАСЬ ВОВСЕ.

В Совет он не пошел, сказался больным. Санти давно ушел в Академию, жена тоже не беспокоила. Да и не смогла бы. Советник заперся в кабинете, нервно курил и судорожно пытался выстроить мысли если не в ровный ряд, то хотя бы собрать в единое целое.

То, что избалованный отпрыск уколошил парочку соперников на своем любовном фронте, его не так сильно трогало. В конечном итоге, если он растит себе из сына замену, то умение убирать конкурентов – полезный навык. А вот то, что третий конкурент исчез в Пустоши, было гораздо хуже.

Благодаря пьяной выходке двух мальчишек, Совет попал под серьезную угрозу. И что с этим делать, советник не имел ни малейшего представления. Вернуть ушедшего за барьер не представлялось возможным. Рассказать все Совету? Предупредить о потенциальной опасности?

Советник затянулся сигарой и выпустил облачко сизого дыма в залитое солнечным светом оконное стекло. Почему тень от человека темная, плотная, почти черная, а тень от табачного дыма приобретает какой-то коричневато-грязный оттенок? Ведь человек, если разобраться, куда грязнее дыма.

Предупредить Совет было необходимо, это сыграло бы ему на руку. Он приносит стратегически важную информацию, способную предупредить об угрозе и спасти само су-

ществование Витано. Хороший ход. Блестящий. Если бы не одно «но». Виноват в возникновении этой угрозы его собственный сын. А вот такое признание было бы равносильно политическому самоубийству.

И что делать? Ждать, пока некто разрушит сложившуюся систему? Знать об этом и молчать? Знать, что мог предупредить? И как жить потом с этим?

С другой стороны, приносить себя в жертву он не был готов. Будущее сына-лоботряса еще под вопросом. Сын молод, если что и треснет в его жизни с грохотом, то еще будет время исправить. А вот класть на алтарь свое положение... нет уж, увольте. У него не так много времени.

Хоронить себя он не намерен. Уж лучше пусть все летит в тартарары.

Но знать, ждать и ничего не делать...

Советник с силой вдавил недокуренную сигару в мраморную пепельницу и сел к столу. А кто сказал «ничего не делать»? Он сделает. Есть в Витано один человек, которому можно доверить решение такой проблемы.

Он взял бумагу, прибор и принялся писать. Бумаге он доверил немного. Всего лишь желание встретиться и обговорить одно дельце. Остальное писать нельзя, остальное только при встрече. Мало ли кто может это прочесть. А на кону судьба сына, его собственная карьера и, возможно, сам Витано.

Глупо, как же глупо все! Из-за одного мальчишки... нет,

из-за двух мальчишек и какой-то девки. И ни один из них даже не представляет, чем это чревато. Даже его великомудрый восемнадцатилетний остолоп. Зря он понадеялся на здравомыслие чада. В восемнадцать трезво мыслить человек не способен. Эмоции берут свое. А там, где есть эмоции, гибнет рассудок.

Рано, очень рано он посвятил сына в то, что недоступно большинству. И сказал-то немного. Но этого немногого хватило на то, чтобы юноша почувствовал свое превосходство. А чувство превосходства обманчиво и зыбко.

Не стоило этого делать. Поторопился. Понадеялся. Ладно, снявши голову, по волосам не плачут. Теперь остается только надеяться на то, что Санти брякнул по глупости. Надеяться на то, что ушедший в Пустошь – покойник и никогда не вернется.

Советник сложил пополам бумагу, сунул в конверт. На белоснежный клапан конверта шлепнулась капля сургуча. Сверху припечатал именованным перстнем. Вот и все. Теперь осталось встретиться с человеком – и дело можно считать решенным. Во всяком случае, ничего больше он сделать не сможет.

Второе послание сложилось еще быстрее, чем первое. Сухое, казенное, оно предписывало выдать матери погибшего студента Академии Винни Лупо подачку от Совета, которая должна была компенсировать потерю сына.

Оба послания покинули дом советника одновременно. И

согласно этим двум конвертам Винни Лупо больше не существовало, а если действительность противилась этому постулату, то ее нужно было привести в соответствие.

Во второй раз Винни проснулся от голода. Новый мир не казался теперь таким пугающим и жутким. Говорят, жить можно где угодно. Желудку было глубоко плевать на все измышления хозяина. Брюхо бурчало и требовало пищи совсем не духовной.

Парень поднялся. Где здесь искать пропитание? В Витано, хвала Совету, такой вопрос никогда не стоял. Здесь же с добычей чего-то съестного возникли явные проблемы. И спросить было не у кого.

Решив для себя, что на болоте ловить нечего, Винни двинулся вперед через поляну. Идти пришлось недолго. Не успел он добраться до леса, как на опушке среди деревьев появилась человеческая фигура.

От неожиданности Винни испуганно подумал, что между деревьев движется вовсе не человеческая фигура. Или все это – лишь плод больного воображения? Но человек существовал и двигался, независимо от того, что парень думал по этому поводу.

Сердце замерло и забилось чаще. Человек был спасением. Пусть даже не знакомый, пусть даже не из Витано. Хотя откуда бы здесь еще взяться человеческому существу? Винни пошел быстрее. Незнакомец топал куда-то по своим делам и удалялся. Но шел он медленнее, и расстояние между ним и

Винни неумолимо сокращалось.

Вскоре он смог разглядеть спину незнакомца. Тот был одет в плотную куртку, плотные штаны. Голову его укрывал капюшон, а на плече болталась внушительных размеров сума. Сума была крепко нагружена, и человек сгибался на сторону под ее тяжестью.

Когда незнакомца удалось нагнать, вокруг уже мелькали ветви деревьев и колючие лапы кустов, каких Винни отродясь не видел. Вместо листьев на них росли густые колючки. В том, что это колючки, сомнений не было, после того как одна такая лапа шлепнула юношу по щеке.

– Эгей! – позвал Винни, потирая щеку. – Милейший, стойте!

Человек остановился и охотно повернулся. Винни сделал навстречу еще пару шагов, а потом... Ноги подломились. По спине пробежала волна ледяного ужаса. Винни почувствовал, как холод сковывает от пяток до затылка.

Тот, кто стоял перед ним, не был человеком, хоть и выглядел, как человек. На вид этому мужчине было лет тридцать. На лице его наметилась недельная щетина, пестрая, черно-рыжая, как шерсть дворовой собаки. Глаза были карими и пронизательными, только блестели при этом, как стекло.

Кожа незнакомца была землистого, серовато-бурого оттенка, кое-где отслоилась и отшелушилась. Взгляд крайне медленно переместился и застыл на Винни.

«Упырь!» – пронеслось в голове. Живой мертвец. В Витано про них рассказывали всякие страсти. Упыри ходили по Пустоши, вылавливали живых людей и пожирали их живьем. Спасение от них было только в черте города, за барьером, установленным магами. Хвала Совету и Гильдии, пробраться через магический барьер эта нечисть была не способна.

Первая мысль, которая пришла после шока от увиденного, была кратка, резка и однозначна, как выстрел из мушкета. Бежать!

Не оборачиваясь, Винни попятился. Упырь, что удивительно, стоял на том же месте, что и прежде, и не торопился терзать его плоть. Может, оттого, что был тугодумом, а может, был уверен, что жертва никуда не денется.

Главное, не испугнуться, не делать резких движений. Отойти подальше и бежать. Откуда в голове у него возникла именно такая стратегия, Винни не знал. Возможно, читал где-то что-то. Может, даже и не про упырей. Но именно такое поведение казалось теперь наиболее правильным.

Медленно, как только мог, он отступил еще на пару шагов, не выдержал и бросился наутек. Опыт оказался плачевным. Под ногу подвернулось что-то витое и твердое, – не то коряга, не то вылезший наружу корень растущего поблизости дерева, да только Винни споткнулся, потерял равновесие и смачно шмякнулся на землю. Падая он глупо, широко раскинув руки. Земля неприятно ударила по лицу, расцарапывая его в кровь. Сзади что-то всхлипнуло. Винни попытался

подскочить, но снова зацепился за ту же корягу и снова жакнулся наземь. На этот раз, правда, он успел выставить вперед руки.

Всхлипы за спиной участились, превращаясь в странное хихиканье, похожее на уханье тонкоголового филина. Винни резко перевернулся на спину. Взгляд зацепился за упыря. Тот стоял, так и не сдвинувшись с места, и хихикал.

Лупо попытался подняться. Но руки и ноги дрожали с перепугу и встать никак не получалось. Мертвяк, отсмеявшись, подошел ближе. Винни сжался в клубок, готовясь к лютой неминуемой гибели. Но смерть сегодня не торопилась с ним познакомиться, а может, решила перед знакомством немного покуражиться.

Упирь остановился над Винни и протянул ему руку. Рука, должно быть, была холодная, землистая и шелушащаяся, как и рожа упыряки, но об этом оставалось лишь догадываться, так как кисти укрывали тонкие кожаные перчатки, а краги перчаток скрывались под длинными рукавами куртки.

– Вставай, приятель, – голос у мертвяка оказался приятнее, чем смех. Мягкий, чуть хриловатый баритон. Таким голосом зубы заговаривать и девчонок соблазнять.

Винни засуетился и все же кое-как поднялся на ноги. Хотя братья за протянутую руку так и не рискнул. Упирь фыркнул и убрал руку. Не то обиделся, не то решил, что Винни проявил таким образом самостоятельность.

Бежать теперь было как-то глупо. От чего бежать? Да и

куда? Упырь и Винни еще какое-то время стояли друг против друга и сверлили друг дружку глазами. Мертвяк смотрел с любопытством. Винни с плохо скрываемым испугом и вялым интересом.

– Меня Петро зовут, – представился упырь.

«Ты хотел сказать „звали“», – думал возразить Винни, но слова встали поперек глотки и наружу так и не вышли. Все, на что он сейчас был способен, это промычать нечто нечленораздельное.

– Ты немой, что ли? – по-своему истолковал мычание Петро.

Юноша резво мотнул головой. Слов по-прежнему не было. Упырь шагнул ближе. Винни рефлекторно шарахнулся. Глаза выпучились, став размером по монете каждый. Петро отступил, вскидывая руки с открытыми ладонями.

– Эй, парень, спокойно. Ты чего такой шуганый? Дикий какой-то. Людей давно не видал?

– Людей? – пропищал Винни, не успев удивиться даже тому, как истончился его голос. – Но ты же... вы же... ты же...

Он окончательно спутался и умолк. Но Петро понял его верно.

– Ах ты ж! Так тебя волнует, что ядохлый? Ты некрофоб? Ты подумай, а! Простому дохлomu парню из захолустья уже спокойно по земле ходить нельзя. Обязательно найдется какой-нибудь живой дурак с предрассудками. Ах ты ж!

Мертвяк театрально всплеснул руками и, бросив на землю

сумку, сел рядом. Сумка хряснулась о землю с неприятным специфическим звуком, будто внутри находился расчлененный труп. Проверить, что там внутри, было проблематично, спрашивать не хотелось, и Винни попросту отогнал от себя мысли о содержимом упыревой сумы.

– Я не хотел обидеть, – тихо произнес Винни. Слова давались с трудом, но молчать было еще хуже. – Просто думал, ты меня убьешь и...

– Нет, ты точно дикий. Если парень сдох, так что, он обязательно стал бандитом? Да, я собираю здесь товар, но закон знаю. У меня и в мыслях нет нападать на людей.

– Какой товар? – не понял Винни.

Упырь снова всхлипнул, как кастрированный филин.

– Нет, ты дикий без вопросов. Сдается мне, что ты не из города.

Услыхав слово «город», Винни загорелся. В глазах вспыхнула надежда. Если мертвяк знает про Витано, то знает, как туда добраться. Хоть он и нежить, но до рва-то довести как-нибудь сможет.

– Из города, – поспешно проговорил Винни сорвавшимся на хрип голосом.

– Маленький дикий живчик из города, – проговорил Петро так, будто повар, пробующий слова на вкус. – И как ты здесь оказался, хотел бы я знать.

– По глупости, – вздохнул Винни.

При ближайшем рассмотрении упырь казался вполне дру-

желюбным. Кроме того, юноше нужна была от него услуга, а раз так – смысла запираяться не было. И Винни пустился в откровения.

Ночная история при свете дня казалась откровенно глупой. Все спорные моменты в ней становились прозрачными, как стекло. Сейчас, вспоминая, как поддался на провокацию, Винни чувствовал себя ужасно глупо. Особенно, если учесть тот момент, что о Вете, из-за которой он полез в бутылку, он вспомнил сейчас впервые.

– Два мелких живчика передрались из-за девки, – прокомментировал историю упырь. – Как это по-человечески.

– А мертвым что, нет дела до женщин? – насупился Винни.

– Сдохнешь – узнаешь, – всхлипнул мертвяк очередным смешком. – Ну, а дальше чего?

– Ничего. Я попал в Пустошь...

– Это в наше захолустье?

– Выходит, что так. Было темно и страшно. И, кажется, кто-то бежал за мной следом. Я убегал, а потом сил не осталось. Упал, отрубился. Проснулся здесь на лужайке. Вот и вся история.

– Все? – скривился мертвяк.

– Все, – подтвердил Винни.

– Врешь, – убежденно отрезал Петро. – От города до сюда три дня пути. И это верхом. Даже если предположить, что у тебя была лошадь и ты скакал всю ночь, трехдневный путь

все равно не покроешь.

Винни хотел было ответить, но не нашелся, что сказать.

Если пять минут тому назад в голове начало проясняться, и он начал понимать хоть что-то, то теперь он снова не понимал ничего. Как он мог убежать от Витано на три дня ходу за одну ночь? Петро, понятно, решил, что он напридумывал все. Но он-то сам знал, что это правда. Ладно, главное – добраться до Витано, а там разберется.

– Пес с тобой, живчик, – мертвяк тем не менее, кажется, не обиделся. – Не хочешь, не рассказывай. Только не гони пургу. Я простой дохлый парень, может, даже очень простой, но не дурак.

– Я не вру, – проникновенно произнес Винни. – Мне нужно в город. Ты знаешь, как туда добраться? Проводишь?

Упырь посмотрел на Винни изучающе. Секунду он сидел и тарасил свой стеклянный взгляд, а потом вскочил вдруг довольно резво, будто принял какое-то решение.

– Идет, – легко согласился он. – Только услуга за услугу. Я веду тебя в город, а ты берешь меня на поруки и проводишь внутрь. Согласен?

– Как внутрь? – Винни поперхнулся. – В Витано никогда не пропустят порождение Пустоши. Там же магический барьер и ров, и стена с охраной...

– Какой барьер? – не понял в свою очередь Петро. – Не гони, живчик. Я закон знаю. В Лупа-нопа пускают всех. Но людей без исключения, а нас – только с поручителем. Тебе

что, поручиться за меня жалко?

– Какая Нопа? – опешил Винни.

– Лупа, – неуверенно отозвался упырь. – Лупа-нопа. Ты же сам сказал, что из города.

Винни кивнул, судорожно сглатывая. Картина мира рассыпалась окончательно. И, по всей видимости, не только у него. Человек и мертвяк замерли друг напротив друга. Какое-то время смотрели пристально, внимательно, словно в первый момент их встречи.

– Я из Витано, – спустя время произнес Винни с опаской.

Упырь отреагировал не сразу. Он словно остекленел вместе со своим взглядом.

– Нет, – задумчиво протянул он, наконец. – Ты все-таки дикий. Не знаю, что у тебя там, в башке, живчик, но на нашем острове есть только один город. На побережье. В трех днях отсюда. И называется он Лупа-нопа, чтоб мне сдохнуть второй раз.

– Но мне нужно в Витано, – упрямо повторил Винни.

Мысли путались. Один глупый спор, одна ночь и его четко спланированная, известная до мелочей жизнь вдруг ломается, как бумажная птичка. Он неизвестно где, сидит в лесу и говорит с мертвяком, который уверяет, что великого города Витано не существует. Но если не существует Витано, то не существовало бы и его. А он – вот он. Сидит посреди леса, разговаривает с упырем... Мысли пошли по кругу и застопорились. Бред какой-то!

Душевное смятение, по всей видимости, отразилось у него на лице.

– Может, эта твоя Сметана не город вовсе, а деревня? – сочувственно произнес Петро. – Многие, кто городов не видел, так мелкие деревни называют.

– Мелкие деревни? – возмутился Винни. – Там дома по двадцать с лишним этажей и тысячи жителей. Хвала Совету и Гильдии, вымирание нам не грозит.

Упырь молча покачал головой.

– Что? – не понял юноша.

– Либо ты врешь, либо сошел с ума.

– Почему это?

– Потому что я знаю весь этот остров. Здесь есть только один город. Лупа-нопа. И он никак не похож на то, что ты описал.

Винни закусил губу и отвернулся. За деревьями светилось поле, за полем чахлые мертвые кусты.

– А там? – кивнул Винни.

– Что там? Там болото.

– Ты там был?

Упырь подошел ближе, тяжело крикнув, забросил суму на плечо.

– Обижаешь, – выдохнул сдавленно. – Я там товар собираю.

Мертвяк показательно шлепнул по сыто раздувшемуся боку сумки.

– И что, – с надеждой спросил Винни. – Никогда не видел там городскую стену?

Винни с мольбой смотрел на упыря, но Петро не оправдал ожиданий.

– Если я там что и видел, то только гнилое болото.

Это был конец. Конец всей его жизни. Винни Лупо понимал это с такой ясностью, какой не было никогда. Рушились все планы, все надежды, все привычное и понятное. Впереди была пугающая неизвестность и абсолютно неизвестный мир, которого и быть не могло. И от этого должно было стать страшно, а может, грустно. Но он не ощутил ни тоски, ни испуга. Видимо, за последнюю половину дня он устал бояться и плакать. Внутри было пусто, как в амбаре фермера в неурожайный год.

Не чувствуя ничего, кроме опустошенности, парень пошел обратно к полю.

Упыря это, кажется, взволновало. Он еще постоял немного, глядя в удаляющуюся спину своим остекленелым взглядом, а потом заспешил следом.

– Эй, живчик! Погоди!

Винни остановился.

– Чего еще?

– Погоди, – повторил мертвяк, подходя ближе. – Мы же договорились. Я тебя веду в Лупа-нопа. Ты за меня ручаешься, чтоб меня пустили в город.

– И зачем мне твой Лупа-нопа?

– Если на нашем острове и есть кто-то, кто может что-то знать о твоём городе, то только в Лупа-нопа.

Винни задумался. Если упырь не врет, а не похоже, что бы он врал, то своими силами в Витано ему не вернуться. А раз так, то надо либо искать помощь, либо как-то уживаться в этом странном мире. И то и другое лучше делать в компании знающего человека... ну пусть не человека, но все-таки...

– Ладно, – кивнул Винни и почувствовал облегчение. – Только это... я есть хочу.

– Дойдем до деревни, покормлю, – обрадовался Петро.

– А далеко деревня?

– Полчаса ходу.

Винни прикинул, что за полчаса, наверное, не умрет с голодухи. Вместе с облегчением вернулся голод и желание жить, и...

– И еще, – попросил он. – Держи расстояние.

– В смысле? – не понял Петро.

– Амбре от тебя, как от болота.

Петро всхлипнул пару раз наподобие тонкогоголосоного филина.

– Нет, дикий живчик, ты все-таки некрофоб. Я к нему со всей душой, а он... Так наплевать в душу простому дохлому парню из захолустья, – заныл он.

Но дохлая небритая рожа светилась довольством.

Лес, что поначалу казался черной бесконечной громадой, выглядел изнутри достаточно светлым. И закончился быстрее, чем предполагал Винни. Вслед за Петро он прошел по просеке. Минут десять – и стена леса осталась за спиной. Впереди был заросший высокой травой склон, еще одна громадная поляна, а дальше у противоположного склона между двух холмов устроилась маленькая, в два десятка домов, деревушка.

– Почти пришли, – кивнул на деревушку мертвяк и принялся спускаться вниз.

Винни молча двинулся следом. Спуск оказался неровный и довольно крутой, так что говорить особенно не хотелось. Хотя вопросов у парня было хоть отбавляй.

– И что, – не выдержал он на середине склона, – много таких деревень?

– На острове-то? Хватает.

– И кто в них живет? Такие, как ты?

– И как я, и всякие другие.

– А люди что же? – Винни споткнулся и полетел вниз.

Стараясь удержать равновесие, он засеменял ногами. В результате на ногах удержался, но остановиться смог уже только у подножья склона.

Петро, всхлипывая над ним своим странным смехом, про-

должил спуск с каким-то чересчур показным достоинством. Винни подождал, покуда мертвяк спустится, и повторил вопрос.

– И люди встречаются, – кивнул упырь. – Но редко. Живчики вроде тебя стараются жить со своими. В городе. А в захолустье все больше простые дохлые парни. Такие, как я.

– В Пустоши?

– Пусть будет в Пустоши, – легко согласился Петро. – Как ни назови. Но ты не думай, у нас законы уважают. На человека никто руки не поднимет, даже за товар.

– А что за товар? – заинтересовался Винни.

– А ты что же, не в курсе, что здесь скупают?

Лупо помотал головой.

– Тогда лучше тебе этого не знать, – признался Петро и снова зашагал вперед.

Винни догнал его и пошел рядом, начисто забыв о собственных придирках к душку, что источал мертвый приятель. Он вообще на удивление быстро свыкся с мыслью, что рядом с ним шагает труп. Даже удивляться перестал, здраво рассудив, что у каждого свои недостатки, главное, чтоб человек был хороший. А живой он, мертвый ли, в носу ковыряет или на мостовую на площади перед зданием Совета плюет, это уже мелочи.

Так или иначе, от мысли, что жизнь выворачивается наизнанку, а рядом с тобой идет знакомый покойник, ведущий тебя в деревню, где живут другие покойники, можно было

свихнуться. Либо с ней можно было смириться. Первый вариант Винни не устраивал, и он здраво предпочел второй.

– Петро!

– Ау? – притормозил мертвяк.

– А мы куда теперь?

– Сперва во-о-он в тот дом, – указал упырь. – С краю, видишь? Там сдам товар, получу расчет – и в таверну. Она с другого краю. Там ты поешь, потом прихватим кое-что и дернем до Лупа-нопа.

– Прямо сегодня? – удивился Винни.

– А чего время тянуть? Или у тебя другие планы?

Планов у Винни не было, и он замолчал.

Деревушка, как ни странно, имела свое название и именовалась Буна Нона. Что это значило, Винни не пытался даже предположить. Существа, что бродили по деревеньке и в ее окрестностях, заставляли содрогнуться. Монстры выглядели в точности так, как рисовали их родители непослушным детям в страшилках. Жуткие, искореженные существа. Рядом со многими из этих чудовищ Петро выглядел красавцем.

Но удивило другое. Деревня жила своей спокойной нечеловеческой жизнью, и жизнь эта от человеческой ничем не отличалась. Размеренность и уравновешенность здесь была в каждом движении. Местные не спешили, не суетились и не убивали время впустую. С неторопливой уверенностью они занимались своими делами.

Такое спокойствие и обстоятельность напомнили Винни

фермерские хозяйства на крышах Витано. Там тоже не торопились и все успевали. Также царил покой и какая-то не свойственная большому городу гармония.

Но что самое удивительное, никто из местных не уделял Винни никакого излишнего или нездорового внимания. Никто не пытался напасть на него, никто не кидался терзать его на части. Так, пара взглядов и несколько фраз.

Петро остановился у крайнего дома, на который указывал еще от холма:

– Подожди здесь, живчик. Я скоро.

– Ты куда? – насторожился Винни.

– Товар сдам и вернусь, – пообещал Петро.

Винни хотел спросить еще, но не успел. Упырь, скособо-чившись под тяжестью своей сумки, поспешно уковылял за-дом. Парень остался в одиночестве. Ждать было скучно, и он, не торопясь, добрел до угла дома.

По ту сторону стена оказалась короче и заканчивалась ша-гов через пятнадцать. Зато дальше тянулся длиннющий за-бор с широкими воротами посередине. Из-за забора слы-шался шум, какой обычно случается на рынке, где все что-то продают, покупают, прицениваются, торгуются. В общем, делают все, что угодно, только ничего не делают молча. Вот только что могут продавать эти чудовища?

Любопытство оказалось сильнее здравого смысла, и Вин-ни неторопливо потопал вдоль забора к воротам.

За воротами и в самом деле оказалось некое подобие ба-

зара. Винни заглянул на двор, утыканный прилавками, и содрогнулся. Кровь отлила от лица. Куда она делась, Лупо не знал, но чувствовал, что побледнел смертельно.

Чудовища, что торговались, продавали и покупали за забором, не были такими уж страшными. Но товар! На прилавках лежали куски изуродованных человеческих тел разной степени свежести. Привлекая рой мух, валялись шматы мяса. Рядом лежали отрезанные головы с выпученными глазами. Чуть в стороне белели кости.

Торг шел при этом так обыденно, будто торговали крыжовником и клубникой.

Винни судорожно сглотнул. Дурнота постепенно проходила. Спина, как оказалось, упиралась во что-то твердое. Он оглянулся. В беспамятстве он отошел от ворот и привалился к забору. Ладно, хоть не грохнулся без сознания. Но Петро! Зачем упырь приволок его сюда? Продать живьем?

Бежать, пока не поздно, подсказал внутренний голос. Винни повернулся, чтобы дать деру, но подскочил на месте, словно ему в седалище воткнули вилку. Перед ним стоял огромных размеров упырь и смотрел тусклым немигающим взглядом. В отличие от Петро с его стеклянными глазами, у этого детины взгляд был мутный, словно покрытый туманной пленкой.

– Покупаешь? – спросил упыряка.

– Н-н-нет, – пролепетал Винни.

– Продаешь? – не меняя тона, спросил тот.

– Что? У меня нет ничего.

– А себя?

Винни вытаращился на упыря, как на декана Урвалла, опоздавшего на лекцию.

– А что, – преодолевая страх и желание ретироваться, поинтересовался он, – бывает, чтобы кто-то себя продавал?

– Ну, иногда случаются сумасшедшие, – охотно отозвался упыряка. – Приходят и продают себя по частям. Но ты не бойся, живчик, все по закону. Вначале все оформим в письменном виде, печатью заверим.

– Это зачем? – спросил Винни глуповатым тоном.

– Так ведь никто без документов твои части не купит.

– Не понимаю, – пробормотал Винни. Он и в самом деле переставал что-то понимать. – Как это продать себя по частям? Зачем?

– За деньги, – удивился громадный упырь. – Деньги всем нужны.

– Зачем они тому, кто продал себя?

– Так не всего же, – удивленно забасил громадный мертвяк. – Я ж сказал, по частям. Вот один такой пришел – руку продал. Ну и что? Отрезали ему руку, заплатили. Он уехал. Месяца три не казал носу. Потом опять появляется: «Я, – говорит, – деньги пропил. Мне еще надо. Ногу возьмете?» Взяли. Месяца два назад его отсюда на телеге уже без обеих ног увозили, но при деньгах. Вот теперь ждем, что он в следующий раз продаст. Хотя, может, и не успеет, сопьется

и помрет раньше.

– Кошмар какой, – честно признался Винни.

– Ты это верно заметил. Пьянство – самый настоящий кошмар. Сколько уж народу этот зеленый змей погубил, – громила покачал головой, потом пожал плечами и добавил: – Но ничего не поделаешь. Это жизнь.

Винни передернуло. То, что торговало за забором, как и их товар, подходило в его понимании под какое угодно определение, но только никак не монтировалось со словом «жизнь».

В проеме ворот появился Петро. Уже без сумы. Налегке, но довольный. Направился к Винни, плотоядно, как тому показалось, улыбаясь.

– О, Петро! – дернулся ему навстречу здоровяк. – Он не продается.

– Знаю, – кивнул Петро. – Ты его не пугай. Он со мной.

– А я и не пугаю, – растерялся громила. – У него же на лбу не написано, что он с тобой. Я думал, мало ли...

Он снова повернулся к Винни, мутные глаза его смотрели виновато.

– Извини, друг. Сам понимаешь, ведь всяко бывает. Вот один тут почку продал. Хитрец. Думал, если она внутри, так ее никто не достанет. А у нас тут есть один такой волколак. Добрейшей души. Доктор. Мертвого воскресить может. Почти. Ну, попросили его, не бесплатно, конечно. А ему что, он тела полосовать умеет лучше, чем ты хлеб резать. Так хит-

рец тот и кукарекнуть не успел, как на столе у нашего доктора оказался. Тот вспорол умнику брюхо, вынул почку, зашил обратно. Как и не было ничего. Но все по контракту и в рамках закона. Деньги ваши, почка наша.

Винни почувствовал, что бледнеет. Ноги слабеют. Еще немного и повалится на землю прямо тут. Плохо соображая, он почувствовал, как что-то вцепилось в предплечье, сжало и удержало на ногах.

– Говорю же: не пугай, – прозвучал рядом сердитый баритон Петро.

– А че я? – не понял громила. – Я так, беседу поддержать.

Хватка стала жестче. Парень почувствовал, как его куда-то тянут. Понимая, что не способен на самостоятельность, отдался на волю своего мертвого знакомого. Тот, впрочем, ничего страшного с ним не сделал. Оттащил обратно за угол, прислонил к стене и дал отдышаться.

– Ты тоже... это... продаешь? – прохрипел Винни, понемногу приходя в чувства.

Он поглядел на Петро, словно пытался рассмотреть его до самых костей.

– Брось, – поморщился упырь. – Я собиратель, а не убийца. И вообще, здесь все чтят закон.

– И по закону продают человечину?!

– По закону, – согласился Петро. – Это убивать нельзя. А продавать никто не запрещает. И потом что тут такого страшного?

Винни захлебнулся от возмущения.

– Что?! Что тут страшного? Там мертвые люди. Головы чьи-то, руки, ноги... А вы их продаете, как говядину. И это не ужасно?

– Странные вы, живые, – фыркнул Петро. – Сами себя продаете в любом виде и под любым соусом. Друг друга продаете за тридцать монет. И ничего страшного. Все в порядке вещей. А кто-то продал кусок мертвого мяса и все. Ужас! Я тут как-то разборку видел. Знаешь, две кучки живых стали делать друг из дружки мертвых. Я много чего видел, но тут как-то не по себе сделалось. Они стрелять из своих мушкетов и пистолей закончили, я к одному подхожу, говорю: «Что ж ты делаешь, убийца хренов?» А он на меня смотрит, как на ублюдка какого, и говорит: «Не ругайся, это не хорошо». Понимаешь? Убивать, значит, можно за просто хрен, а ругаться, видишь ли, нельзя. Я простойдохлый парень из захолустья. Но я этого не понимаю.

– А сам? – не сдержался Винни.

Петро посмотрел с укором.

– Брось, если б я хотел тебя убить, я бы сделал это в лесу. Зачем тащить тебя куда-то? И потом, у нас же уговор.

– Но откуда тогда все это... эти останки? Если никто никого...

– Ну, во-первых, случаются и лихие люди. И лихие нелюди тоже. Им все равно кого убивать, лишь бы денежки были. Потом, сами люди выкидывают трупы. В Лупа-нопа тоже

есть свой криминалитет. Кто-то что-то не поделил, выехали за город, постреляли. Хоронить-то никто никого не станет, кто бы ни победил. Говорю же, разборки. А потом еще болото. Про него почти никто не знает, но это злачное место. Там частенько трупы появляются. Откуда берутся, не знаю. Но поверь, не мы их убиваем. В склеп никому не охота.

– А что за склеп?

– Тюрьма. Недалеко от нашего захолустья есть еще один островок. Маленький и совсем дикий. Если кто из нелюдей провинится и нарушит закон, его ловят и отправляют в Склеп. А с того острова выхода нет. И жизнь там – хуже не придумаешь. Так что мы предпочитаем не нарушать.

– А если не поймают, – уперся Винни. – Сам же говоришь, от города далеко.

– Поймают, – убежденно заявил Петро, с удовлетворением отметив, что у живчика снова загорелись глаза и ушла бледность. – В Лупа-нопа, знаешь, какие маги сидят? Кусок мышиноного дерьма в болоте – и то найдут. Ну что, успокоился? Идем?

Винни кивнул. Он не только успокоился, но и приободрился. Если в Лупа-нопа сидят маги, то уж Витано-то они должны найти. Или хотя бы подсказать, где искать.

В этом заведении был только один столик, который невозможно было подслушать, не проявившись. Советник прекрасно знал это. Потому встречу своему человеку назначал только здесь. И все прочие встречи, когда нужно было сохранить конфиденциальность, проводил именно в этом кабаке за этим столиком.

Место было проверенным, и он доверял ему даже больше, чем собственному кабинету.

Советник пришел на пять минут раньше назначенного срока, желая быть первым. Однако человек уже сидел за столиком, тоскливо ковыряя вилкой тушеную капусту с тефтелями.

Человек был лыс, как колено. На носу его сидели толстые очки. И внешность была жутко необычной. С такой приметной внешностью заниматься теми делами, какими занимался человек, казалось невозможным. Но человек в самом деле был уникальным профессионалом.

А вот то, что он, несмотря на предупредительность, оказался вторым, советника взбесило. Однако он попытался не выказывать раздражения. Вышло плохо. Молча подойдя к столу, он выдвинул стул и, не здороваясь, плюхнулся. Стул скрипнул.

«Хлипкая мебель», – подумалось советнику. Он посмот-

рел на уплетающего тефтельки человека и скрежетнул зубами.

«Бестактный хам, – пришла новая мысль. – И день дрянной. Хуже некуда.»

– Добрый день, господин, – приветствовал человек.

Советник хотел ответить какой-нибудь гадостью, но сдержался. Полезных людей, которым можно верить, в Витано днем с огнем не найдешь, так что ссорится с ними недосуг.

– У меня к тебе дело, – без предисловий начал он.

– Важное, – не то спросил, не то констатировал лысый.

«Стал бы я с тобой встречаться, если б оно было неважным», – зло подумал советник, но вслух этого не сказал.

– Важное, – подтвердил он. – Ты ведь знаешь моего сына.

– По долгу службы, – кинул человек.

– И его однокашников ты тоже знаешь.

– По долгу службы, господин, – словно керамический болван, кивнул лысой головой человек.

– Хорошо. Тогда ты должен знать некоего Винни Лупо.

Человек помедлил с ответом. Капуста во рту помешала.

– По долгу службы, – блеснул оригинальностью он, прожевав и проглотив. – Это ведь тот юноша, что сегодня ночью...

Кровь хлынула к голове. В груди вспыхнула и разлетелась во все стороны фейерверком паника. У советника помутилось в глазах.

– Откуда знаешь? – прорычал он, не дав человеку договорить.

– По долгу службы, – с улыбкой в голосе отозвался тот. – Не бойтесь, господин, этого никто, кроме меня, не знает.

Советник кашлянул, прочистил горло. Попытался взять себя в руки. Вышло с трудом. Каждый раз, когда он обращался к этому человеку без имени со странной внешностью, советник чувствовал, что играет с огнем. Он боялся его. Он ненавидел его. Но он не мог без него обойтись. Приходилось мириться.

– Знаешь, что с ним произошло сегодня ночью согласно официальной версии?

– По долгу службы, – ухмыльнулся лысый, отправляя в рот последний тефтель.

– Так вот, сделаешь так, чтобы официальная версия и реальная действительность пришли в соответствие.

Советник запустил руку за пазуху. Пальцы нащупали потайной карман и выудили оттуда бархатный мешочек. Мешочек был не велик, но туго набит. Советник опустил бархатного пузана на стол. Скупо звякнуло.

– Понял? – спросил советник, пристально глядя на лысого.

Тот неторопливо отодвинул тарелку. Тонкие, как у музыканта, пальцы подняли со столешницы мешочек. Человек взвесил его на руке и с грацией, достойной верховного управителя, спрятал.

– Это задаток, – пояснил советник.

– Да, господин, – кивнул лысый.

– Когда?

– Я уйду сегодня ночью. Дальше по обстоятельствам. Не думаю, что это займет много времени.

– Мне нужно...

– Я знаю, и мои интересы, поверьте, полностью совпадают с вашими. Но я не волшебник. Хотите результат через пять минут? Пойдите в Гильдию.

Советник задохнулся от ярости. Такой наглости он не потерпел бы ни от кого. Но в данном случае он был заложником. И все, что ему оставалось, это стиснуть зубы и сильнее ненавидеть сидящего перед ним лысого человека.

– Поел? – елеиным голосом поинтересовался советник.

– И с превеликим удовольствием, господин.

– Тогда выпей, – остервенело выдавил улыбку советник. –

За мой счет.

Он резко поднялся, шлепнул по столу. Звякнуло. Советник развернулся и зашагал к выходу.

Человек проводил его взглядом и с интересом поглядел на стол. Там лежали три зоды. На такие деньги можно было напоить несколько человек. Лысый странно оскалился и неторопливо поднялся из-за стола.

Он все делал неспешно, с какой-то вычурной подробностью. Не торопясь, набросил на плечи плащ. Не спеша, сунул руку в карман. Размеренно выудил оттуда монетку и положил рядом с пустой тарелкой.

К зодам советника он так и не притронулся. Местного рас-

порядителя ожидало хорошее вознаграждение.

Таверна в деревеньке Буна Нона названия не имела. Местные называли ее рыгаловкой, и нелицеприятное название окупалось здешним колоритом. Внутри таверны было мрачно и грязно. Дух стоял такой, что аппетит испарялся, как туман на солнце. В нужнике, кажется, и то приятнее было бы трапезничать.

Дух был явной смесью запаха местного пойла и запаха, оставляемого местными завсегдатаями. Хотя в зале Винни разглядел всяких чудовищ, мертвяков здесь была добрая треть.

– А что, – поморщился юноша. – Вы тоже едите?

– Для поддержания жизни нам это не обязательно, – отмахнулся Петро. – Мы прекрасно существуем и безо всякой еды. Но лишить радости чревоугодия простого дохлого парня из захолустья было бы слишком жестоко. Так что мы тоже пьем и закусываем. А вон и они.

– Кто? – не понял Винни.

Но мертвяк не удостоил его ответом. Он бодро помахал кому-то и направился через зал к дальнему столику. Там сидели двое. Мужчина и женщина. Ни тот, ни другая не были мертвяками, но за то, что они люди, Винни тоже не смог бы поручиться.

Мужчина был высок, черноволос и бледен. Кожа его ка-

залась почти прозрачной, белоснежной настолько, словно он не видел ни единого лучика солнца с самого рождения. Черты его были тонки и изящны, как у человека не просто высокого круга, но и врожденного внутреннего благородства. На вид ему было лет тридцать пять. Что общего могло быть у этого благородного мужчины с упырем Петро, трудно было даже представить.

При утонченных чертах аристократичный мужчина был отнюдь не тонко сложен. Под одеждой чувствовалась натренированная фигура, крепкие рельефные мышцы. Да и плечи были весьма широки.

Женщина... О, женщина была сказочно красива. Удивительно правильные черты лица, огромные бездонные глаза, рядом с которыми глазки Ветки, по которым сохнул Винни, выглядели мелкими лужицами. Полные губы, длинные, цвета расплавленного золота волосы. Высокая умопомрачительная грудь... Винни захлебнулся от наплыва чувств и понял, что слов у него не осталось. Он готов был влюбиться. Жаль только, что женщина была лет на пять, а то и на семь старше него. И эта разница показалась восемнадцатилетнему Винни бездонной пропастью.

– Вот и я, – весело возвестил Петро.

– Где тебя носило? – поинтересовался мужчина. – Ты говорил, что скоро вернешься, а сам пропал на три дня.

– Не три, а два с половиной, чтоб мне второй раз сдохнуть, – воспротивился Петро. – Зато я нашел поручителя. А

где старик?

– Ушел, – легко пожала плечами женщина.

– Куда? Надолго? – Петро уселся за столик и махнул рукой.

– Кто ж его знает, – съехидничал мужчина. – Кто вас, дохлых парней, разберет, хоть простых, хоть сложных.

– Но-но, – напыжился Петро. – Попрошу не путать меня с этим суповым набором.

Мертвяк повернулся к подоспевшему упырю в белоснежном фартучке и распорядился:

– Мне два крепких и что-нибудь закусить. И тащи чего поесть. Побольше.

– Что предпочитаете? – удивительно вежливо поклонился официант. Он вообще смотрелся в этой рыгаловке так, будто ошейник с бриллиантами на драной дворовой шавке. Откуда он такой здесь взялся?

– Все что угодно, с чем справится желудок этого юного живчика.

Официант убежал, а Петро повернулся к Винни, который все еще стоял в сторонке.

– Чего жмешься, живчик? Садись. Ща харчи принесут.

Винни послушно сел. Отчего-то в новой компании он себя чувствовал неудобно. Мужчина, казалось, на него не смотрит, но Винни почувствовал на себе несколько его взглядов. Украдкой. Впрочем, перехватить взгляд аристократа у него так и не вышло. Женщина же, напротив, разглядывала его с

интересом и вполне открыто.

– Это и есть твой поручитель? – спросила она упыря, не сводя глаз с Винни.

– По правде говоря, – еле слышно произнес парень, давя смущение, – я обещал поручиться за Петро. И он не говорил, что вас будет много.

– Где один, там и два, – весело забалагурил мертвяк, не дав и слова сказать раскрывшему было рот аристократу. – А где двое, там и четверо.

– Четверо?

– Еще один скоро появится, – пообещал Петро. – Хотя лучше, если не появится. Редкая зануда. А вы пока можете знакомиться.

Он оглядел сидевших за столом и кивнул на Винни.

– Это... – на секунду мертвяк замялся. – Слушай, дикий живчик, а тебя как зовут-то хоть?

– Прекрасно! – вставил язвительно мужчина, глядя при этом на мертвяка.

– Винни, – поспешил представиться парень. – Винни Лу-по.

– Красивое имя, – улыбнулась женщина. – Я Нана.

– Смешное имя, – подмигнул Петро Винни. – Но я все равно буду звать тебя живчиком. Ну, или некрофобом, когда тебя опять понесет на предрассудки.

Мужчина смерил Петро уничижительным взглядом и протянул Винни руку.

– Деррек.

– Винни, – ответил тот на рукопожатие.

Рука у Деррека оказалась сухой и холодной, словно долгие дни лежала в подполе. Но сила в ней была внушительная. Это чувствовалось даже по незначительному рукопожатию.

Принесли еду и кружки с каким-то пойлом. От кружек несло хуже, чем от десятка мертвяков. Но Петро подхватил тару с поспешностью неделю голодавшей собаки. После нескольких глотков вид у него стал довольный и умиротворенный, словно к его ногам рухнули все блага земные.

Винни подтянул тарелку с похлебкой и принялся за еду. Он старался есть размеренно и неторопливо, но голод давал о себе знать.

– Простите, а вы...

– Ты, – поправила Нана.

– Ты человек?

Нана отвернулась и ухмыльнулась так, будто ей наплевать. Но видно было, что вопрос ее задел.

– Она перекидушка, – вставил Петро.

– Кто?

– Оборотень, – пояснила Нана. – А этот шут, который тебя сюда привел – пустозвон.

Петро фыркнул и переключился на вторую кружку.

– А вы? – спросил Винни у аристократичного Деррека с осторожностью.

– А он кровопийца, – вставил Петро. – Ты с ним рядом

спать не ложись. Это мной он брезгует, а ты смотри. А то вечером заснешь человеком, а утром проснешься – и в тебе ни капли крови. Зато у него в желудке...

– Балабол, – фыркнула Нана.

Винни, следя за перепалкой, только и успевал, что головой крутить и взгляд переводить с одного на другого.

– Я вампир, – пояснил Деррек. – Но беспокоиться не о чем. Во-первых, я законопослушен. А во-вторых, я твердо убежден, что человеческая кровь вредна для здоровья.

Петро, присосавшийся к кружке, прыснул. Вонючее пойло пошло носом, брызнуло во все стороны. Мертвяк утерся рукавом и завсхлипывал, как филин с больным горлом.

– Видишь, живчик, они смешные ребята. Что я тебе говорил?

– Ничего, – честно признался Винни.

– Трепло, – подвела итог Нана и демонстративно отсела от Петро подальше.

«Хорошая компания подобралась», – мрачно подумал Винни, налегая на похлебку.

Похлебка кончилась. И не только похлебка. Петро вылакал вторую кружку и теперь сидел, откинувшись на спинку стула с закрытыми глазами. Не то спал, не то придурился. Какое из предположений верно, Винни не знал. В сказках о живых мертвецах, которые он слышал в Витано с самого детства, о том, нужно ли упырям спать или есть, не было ни

слова.

Винни перевел взгляд на вампира и женщину. Деррек тактично прятал взгляд, Нана, напротив, смотрела с непроходящим интересом.

– Может, это не наше дело, – сказала наконец она. – Но как ты здесь оказался? Место – не самое подходящее для молодого человека с приличным воспитанием.

Винни пожал плечами.

– Честно говоря, – признался он, – я и сам не знаю как. Я из Витано. Из нашего города нет выхода, потому что его окружает Пустошь, где живут существа, подобные вам. Только в отличие от вас, они нападают на людей. Вчера вечером я напился и поспорил... глупо поспорил. Но чтобы доказать свою правоту, я вышел за городскую стену. А потом на меня напали, и я побежал. А потом потерял сознание. А потом проснулся утром при свете дня здесь у вас. И не смог найти Витано.

Нана перевела взгляд на Деррека.

– Странное название, – покачал головой тот. – Никогда не слышал о таком месте. А зачем ты спорил? Деньги?

– Держи карман шире, – вмешался Петро, приоткрыв один глаз. – Деньги. Спроси лучше, как ее зовут.

Винни смутился и поспешил спрятать глаза. Ему почему-то стало стыдно. Не за то, что случилось, а от того, какими словами это преподнес мертвяк. Как ни крути, история была глупой. Но если в восприятии самого Винни в ней бы-

ло что-то романтическое, то в устах упыря она становилась банальной и пошлой.

– Не обращай на него внимания, – посоветовала женщина. – Если слушать все, что несет этот пустобрех и принимать это всерьез, очень скоро захочется повеситься.

Петро всхлипнул, снова закрыл глаза, хотя теперь даже ежу было понятно, что мертвяк не спит. Вампир подсел ближе к Винни и как-то удивительно мягко и по-дружески хлопнул его по плечу.

– Не стесняйся. Из-за женщин многие теряют голову. Я сам попал на остров из-за женщины.

– Попал на остров? – удивленно вытаращился Винни. – А разве, кроме острова, еще что-то есть?

В подобное предположение верилось с трудом. Но с другой стороны, еще вчера он знал, что помимо Витано и Пустоши не существует ничего. С утра к этому знанию добавился мир с полями, лесами, нечеловеческими существами, которые вели себя не так, как должны были, остров с деревнями и городом. Потом выяснилось, что еще есть островок, куда ссылают нарушителей закона. А теперь вот выходило, что помимо двух островов есть еще что-то. И это притом, что всю жизнь Винни знал: Витано – последний оплот человечества, и других людей в мире не существует.

– Конечно, – грустно кивнул Деррек. – Этот остров – лишь высылки для тех, кто представляет опасность человечеству.

– Хе, высылки, – протянул Петро, даже не открывая глаз. –

Да свалка это. Свалка магического хлама.

– Как – свалка? – не понял Винни.

– Боюсь, что наш не очень воспитанный собеседник прав. На этот остров свозят весь мусор и отходы магического производства, ненужные вещи, всякого рода опасные артефакты, ну, и существ, созданных с помощью волшебства и неудачных научно-магических экспериментов, как вот, например, уродцев вроде меня или нашего мертвого приятеля, выкопавшегося из могилы.

– Но-но, – снова «проснулся» упырь. – Меня не хоронили, между прочим.

– Еще раз встрянешь в чужой разговор, – жестко произнесла женщина. – Я возьму лопату и своими руками наверстаю упущенное.

Петро фыркнул, пробормотал что-то про «простого дохлого парня из захолустья» и снова закрыл глаза, изображая уход в мир снов.

– Когда-то, – продолжил Деррек, – я был таким же человеком, как и ты, я жил на большой земле, у меня были работа, друзья.

Взгляд вампира затуманился. На аристократичном лице появилась грустная мечтательная улыбка.

– А что там? – осторожно спросил Винни.

– Там?.. – переспросил Деррек, возвращаясь к действительности.

– На большой земле, – пояснил Винни.

– Там, мой друг, мир больших городов, технического прогресса и цивилизованной магии. Там есть такое, о чем в этой глуши даже мечтать нельзя.

Вампир тяжело вздохнул и посмотрел на Винни.

– Давай я тебе лучше что-нибудь другое расскажу.

– Ты хотел рассказать о женщине, из-за которой сюда попал.

– Хочешь послушать? – спросил вампир.

Винни посмотрел на Нану и кивнул. Деррек тоже бросил взгляд на девушку-оборотня.

– Прости, Нана, в то время я был с другой женщиной, – начал он. – Это было четырнадцать лет тому назад...

Ее звали Лиэль. Лиэль Нестэрси. Во всяком случае, так она представилась. У нее были черные вьющиеся волосы и бесподобная кожа цвета белого мрамора. Она была ослепительна, как скульптура древней богини.

И хотя у Деррека Гриффо существовал принцип не связывать себя никакими отношениями на работе, а тем более с клиентами, перед ее красотой все обещания, данные самому себе, теряли смысл. Принципы разлетались вдребезги, как кувырнувшаяся с полки ваза тонкого хрусталя.

К моменту знакомства с Лиэль Деррек был инструктором в спортивном клубе. Достаточно дорогом, чтобы понимать, с клиентами такого клуба лучше не крутить романов. Пусть даже ты лучший сотрудник, пусть тебя боготворит хозяин, пусть из-за тебя грызутся клиенты. Пусть все это дает тебе некоторые поблажки. Пусть!

Не стоит этим пользоваться. А тем более злоупотреблять. Потому Деррек давно выстроил для себя определенные основы профессиональной этики и всегда неукоснительно им следовал.

Он всегда вел себя одинаково ровно со всеми клиентами. Держался на одной ноте. Был предельно вежлив, но не давал садиться себе на шею. Оставался приветливым с каждым, но никого не выделял личной симпатией.

Были и свои ограничения. Например, он никогда не работал с клиентом на дому.

Никогда до того дня. А тогда, когда к нему подошла Лиэль, представилась и попросила составить индивидуальную программу занятий, тут же согласился. И когда она, сославшись на дела, сказала, что торопится, и вечером попросила заехать к ней домой, он не стал спорить и просто взял адрес.

Почему? Потому что это была Лиэль. У Деррека никогда не было проблем с женщинами. Он всегда знал, что хочет он и что хотят от него. Легко флиртовал и выкручивал любые отношения, но здесь... Гриффо вдруг почувствовал себя шестнадцатилетним мальчишкой, весь опыт общения с женщинами, который дробится между тем, что был в детстве и тем, что был смутно очерчен по услышанному или увиденному краем глаза.

Впервые за много лет Деррек оробел и растерялся перед особой противоположного пола.

Тем же вечером он отправился к бесподобной клиентке. Район был дорогой, это он отметил еще по адресу. Здесь не было шума большого города. Не сновали люди и не носились машины на механическом или магическом приводе. Здесь было тихо, спокойно и величественно, как в городском парке в те дни, когда его закрывают на уборку и реконструкцию.

Дом, в который ему надо было попасть, находился на четной стороне улицы. Огромный особняк, затерявшийся в дебрях бесконечного сада, отгороженного ото всех высокой ко-

ванной оградой. Особняку было лет триста, не меньше. Сейчас так уже не строили даже в подражание старинной архитектуре. Из чего Деррек сделал вывод, что пришел не просто в дорогой дом в элитном квартале. На такое ему, простому инструктору, никогда не заработать, даже если бы он завел свой спортклуб, или, страшно сказать, целую сеть спортклубов.

Кто была эта Лиэль? Очаровательная женщина-загадка. Гриффо не мог сказать наверняка, что именно влечет его сюда. Умопомрачительная женщина, настолько прекрасная, что самые изящные слова и комплименты казались рядом с ней грубыми? Или эта атмосфера загадочности? Он словно попал в сказку о девочке-служанке, попавшей на бал и танцующей с принцем. Только он был сейчас не принцем, а той самой девочкой.

Деррек подошел к воротам и огляделся. Наверное, можно было просто позвонить, но для непривычного к подобным изыскам инструктора ворота казались чем-то неприступным, что невозможно открыть. Внутри не пролезть, не докричаться и не достучаться.

Мужчина почувствовал себя довольно глупо. Стоять, как деревенщина, и водить носом из стороны в сторону, пытаюсь понять, как попасть внутрь – не самое приятное занятие. Но длилось это недолго. Через полминуты ворота сами распахнулись. Медленно и величественно. И Деррек, чуть успокоившись, шагнул внутрь.

До особняка он дошел просто и быстро. Аллейка, прямая, как стрела, сама вывела к широкому крыльцу с мраморными колоннами и огромными тяжелыми дверями, больше напоминавшими ворота сарая.

Здесь ему не пришлось стоять долго. Двери открылись прежде, чем Деррек взошел на нижнюю ступеньку. На пороге его ждала хозяйка. И при виде нее он тут же забыл о неловких чувствах, возникших чуть раньше у ворот.

– А чем еще ты занимаешься? – спросила Лиэль, пригубив вино.

В гостиной стоял дух древности. Такой, будто в доме давно никто не жил и не открывал окна. И только многовековая пыль гуляла по комнатам. Деррек отнес этот запах на счет возраста самого дома.

Смущало то, что в столь обширном особняке не было ни души, даже прислуги. Кажется, здесь вообще не появлялось ни единого человека, кроме них двоих. Впрочем, мужчине казалось теперь, что, кроме них, никого не осталось не только в этом старинном доме, но и во всем мире. Да и есть ли тот мир? Может, мир – это только просторный диван, на котором возлежала Лиэль в тонком полупрозрачном халатике на голое тело, стол с бутылкой вина, фруктами и парой бокалов, и кресло, в котором сидел теперь он сам?

– Я хочу написать книгу.

– Книгу? – ее тонкие брови вспорхнули и изогнулись так,

что у Деррека перехватило дыхание. – Роман?

– Нет, – покачал головой мужчина, чувствуя, что голос стал неожиданно хриплым. – Это будет книга о здоровом образе жизни. «Здоровый образ жизни – путь к долголетию».

– Все сейчас помешались на здоровом образе жизни, – Лиэль соблазнительно потянулась.

– А ты? С твоей фигурой это ведь излишне.

– И это говорит мой инструктор, – усмехнулась она. – Каждое тело требует бережного обращения и тренировки. Чем идеальнее тело, тем больше усилий требуется для поддержания его формы. Тебе ли этого не знать.

Деррек сделал глоток вина, потянулся за виноградиной, маскируя за неспешностью растерянность и чехарду в мыслях.

– Я говорил как мужчина, а не как инструктор, – произнес он.

– Значит, – Лиэль приподнялась на локте. – Я интересую тебя как женщина? Не только как клиент? Чем же заинтересовала, позволь спросить?

Голос ее звучал завораживающе. Движения были мягкими, чарующими. Глаза блестели, словно светились изнутри. Либо боги, маги или правительство консорциума создали идеальную женщину, либо одна бесподобная женщина имела в запасе сотни три лет, чтобы отрепетировать и довести до совершенства каждый поворот головы, вздох, взгляд.

Деррек захлебнулся от эмоций и выпалил не думая то, что

крутилось в голове:

– Всем!

Лиэль удовлетворенно улыбнулась. Так улыбается прима, в очередной раз срывая заслуженные, но привычные овации. Гриффо смутился.

– А ты, чем занимаешься ты? – поспешно спросил он, чтобы спросить хоть что-то. – Кто ты? Ведь этот особняк и... это же невероятные деньги для такой молодой девушки.

Лиэль допила вино, встала и двинулась к Дерреку. Пальцы походя разжались, оставив на столике пустой бокал. Тот даже не звякнул. И мужчина снова удивился тому, каким плавным и естественным было сложное и непривычное для человека движение.

– А разве молодой красивой девушке, такой, как я, нужно чем-то заниматься, чтобы что-то иметь? – спросила она.

Это звучало бесстыдно. Возможно, в этом была пошлость и грубость, если бы это только сказал кто-то другой. Но эта сказала Лиэль. И фраза прозвучала естественно и просто, как журчание ручья.

Она подошла сзади, ее ладони легли ему на плечи, он почувствовал тонкие и сильные, как у музыканта, пальцы. Но прикосновения были приятными. А потом его развернуло, и она впиалась в его губы своими.

Поцелуй был настолько яростным, что у опытного в любовных делах Деррека зазвенело в ушах.

– Просто я всегда получаю то, что хочу, – услышал он.

Услышал, но уже не смог осознать.

Когда он проснулся, вокруг было темно. Уже темно? Или еще? Деррек приподнялся на локте и взгляделся в полумрак комнаты. В окно светила круглая и бледная, как непропеченный блин, луна. Он лежал на огромной кровати. Влажные простыни смялись. Было душно и тело ныло.

Деррек попытался припомнить подробности бурной ночи. Лиэль была неповторима.

По спине пробежал озноб. Только тогда понял, что женщины рядом нет. Ни в постели, ни комнате.

– Ли? – позвал он.

Голос звучал хрипло, словно бы тоже пережил крепкую встряску.

Деррек встал с кровати, прошел по комнате в поиске штанов. Кое-как одевшись, вышел в коридор.

– Ли!

Имя пронеслось по пустому особняку, вернувшись отголосками эха. Он был здесь один. Один в целом доме. Не было ни Лиэль, ни даже намека на ее присутствие.

Сердце стиснуло тоской, защемило. Весь вчерашний день, вечер, ночь казались теперь сказкой. Чудесным сном, от которого он вдруг неожиданно пробудился. Как в детстве, когда снились невероятные приключения, в которых он побеждал всех врагов, захватывал сундук с сокровищами, а потом просыпался... И с убийственной жестокостью приходи-

ло понимание того, что все это, казавшееся таким реальным – лишь грезы.

Деррек вздрогнул. Он давно уже не мальчик. И вчерашняя женщина не была сновидением. Иначе как бы он оказался в ее доме?

Но куда она делась? Почему ушла? Зачем оставила его здесь одного?

Мысли запрыгали резвым аллюром. Стали появляться и вовсе неприглядные. Что за игру с ним ведут? Он ходит по чужому дому, ищет его хозяйку. А та где-то спряталась. Зачем? Для чего все это?

Для начала надо перестать играть по чужим правилам, решил Деррек. Бросив блуждания по дому, он направился к выходу. Возможно, их в особняке было множество, но парадный, через который он входил, был один. Топографическим кретинизмом Деррек не страдал, потому нашел его довольно быстро.

Двери высились мрачным прямоугольником, как ворота побеленного сарая. А вдруг его здесь заперли. Гриффо припомнил решетки на окнах и понял, что если так, выбраться будет проблематично. Дрожащей рукой тронул дверную ручку, толкнул. Дверь оказалась не заперта.

Мужчина ощутил невероятный приступ облегчения. Пулей вылетел на свежий воздух и прикрыл за собой тяжелую створку. Он собирался уйти, даже повернулся лицом к аллее. Но уйти не успел.

В глаза ударил яркий свет. Деррек сощурился. Рука рефлекторно взмыла вверх, защищая глаза.

– Не двигайся! – голос был резкий и властный.

Деррек замер. Свет ударил в лицо.

– Руки на затылок, – привычно, даже немного устало приказал голос. – Лицом к стене.

– На каком основании? – попытался узнать Деррек.

– Проникновение в частные владения – достаточное основание для задержания, боец, – буркнул сзади уже другой голос, и на запястьях Деррека что-то с металлическим звуком щелкнуло.

Стражей безопасности в участке сидело двое. И с Гриффом они общались, как герои плохого водевиля. Один был груб и резок, второй натягивал приторную улыбку и держался подчеркнуто вежливо. Работали они на контрасте или в самом деле столь разнились характером и обхождением? Деррек не знал. Да признаться, и не хотел знать.

Внутри было пусто, как в худом ведре. Кто была эта женщина? Зачем привела его в чужой дом? Куда делась?

– Значит, – продолжал допытываться вежливый дознаватель. – Вы пришли к клиентке.

– Я уже говорил, – устало повторил Деррек. – Вы можете проверить в клубе. Там осталась запись и адрес, по которому я был задержан.

– Четко отвечать, – рыкнул второй раздраженно.

– Да, – выдохнул Гриффо. – Я пришел домой к клиентке.

– Как часто вы ходите по клиентам? – поинтересовался вежливый.

– Никогда, – покачал головой Деррек.

– Почему же вы изменили своим правилам в этот раз?

Деррек поднял на дознавателей печальный взгляд.

– Вы видели эту женщину?

– Издеваешься? – взревел грубый.

– К сожалению, нет, – покачал головой вежливый. – Если бы мы ее увидели, она уже сидела бы на скамье подсудимых.

Видели бы вы ее, подумалось Дерреку, у вас бы рука не поднялась посадить ее на скамью подсудимых. Он тяжело вздохнул и понял, что прозевал очередной вопрос дознавателя.

– Что? – встрепенулся Деррек.

– Вы знали, что дом принадлежит не вашей клиентке?

– Откуда?

– Четко отвечать!

Его отпустили через два часа. После подробных показаний и составления портрета по его описанию. Но портрет вышел убогий. И хотя черты были схожи с оригиналом, но того совершенства, которое было в Лиэль, рисунку явно не доставало. Да и негде было достать.

Деррек поехал. На улице, несмотря на летнюю погоду, было зябко. А может, виновата была не погода, может, хо-

лодно было внутри?..

...Деррек вздохнул и замер. Нана ревниво отвернулась.

– А что было дальше? – спросил Винни, пораженный историей. – Ее нашли? Зачем все это было ей нужно?

Вампир вздрогнул. Затуманенный взгляд снова приобрел осмысленность.

– Нет, ее не поймали. Через два дня я почувствовал себя совсем скверно. Меня знобило. Подступали тошнота и слабость. В зеркало было страшно смотреть. Побледнел и похудел, одни глаза остались. Тогда я пошел к врачу. Есть же всякие лекарства для успокоения души. Но, как оказалось, они мне не нужны.

– И ему понадобились другие таблетки, чтоб лечить тело, – оживился Петро. – Чуть ниже пояса.

Деррек не обратил на него внимания.

– Доктор нашел у меня на шее крохотную ранку. Я и не видел ее... а он перепугался, положил меня на обследование, и все выяснилось. Лиэль была вампиром. И я становился им. Да что становился, я уже им стал. Доктор передал меня магам, как полагалось по закону консорциума. Я не сопротивлялся. Мне это даже в голову не пришло. Стандартная процедура.

Вампир пожал плечами, словно говорил и в самом деле о чем-то обыденном.

– Потом меня переправили сюда, выкинули в Лупа-нопа, как и прочий мусор.

– Мусор? – не понял Винни.

– Конечно. Мы не люди, иначе говоря, нелюди. Значит, для человечества – всего лишь мусор. В Лупа-нопа не нашлось человека, который пожелал бы за меня поручиться. Туда постоянно привозят пополнения, и ни один местный не станет заступаться за незнакомого нечеловека. Зачем? Это глупо и небезопасно. И меня выдворили. Теперь я живу здесь. Вот уже пятнадцатый год пошел.

Винни задумался. Выходило, что это не страшные существа – чудовища. Они-то как раз живут мирно и законопослушно. По законам, написанным людьми. А вот люди... «Мы не люди, – звучал в голове голос вампира. – Значит, для человечества – всего лишь мусор».

Он посмотрел на аристократичного Деррека. В который раз отметил и тонкие черты, и благородную осанку, и пронизательный взгляд, и тактичность в поведении вампира. Нет, назвать это существо мусором у него не повернулся бы язык. Да и чудовищем тоже. На чудовище скорее походили те, кто превратил благородного человека в «мусор». Но об этом Винни думать почему-то побоялся.

– А каково это? – спросил он.

Деррек приподнял бровь.

– Как это быть вампиром? – смущенно уточнил Винни.

– Да, собственно, так же, как и человеком, – отмахнулся

тот. – Как это носить шубу или трусы в горошек? Какая разница, в сущности, какая шкурка на тебя надета. Главное то, что внутри.

Петро потянулся до хруста костей и, гнусно ухмыльнувшись, сел.

– Внутри кровь, качающий ее насос, кишки и еще много очень неприятного, если в этом копаться.

– У некоторых все это еще и с гнильцой, – не сдержалась Нана.

– Мое почтение, – всхлипнул упырь.

– А зачем тебе в город? – поспешил перевести тему парень.

– Мне нужны кое-какие ингредиенты для моих исследований. Вот уже несколько лет я работаю над книгой, «Здоровый образ жизни – путь к бессмертию», и ищу замену человеческой крови. Ведь, по сути, вампирам она не нужна, – в ней столько вредных веществ. Да и людям было бы спокойнее, если бы...

– Смотри, живчик, – перебил вампира Петро. – Смотри и запоминай. Мы живем в мире полном чудес. Вот одно из них – вампир-вегетарианец.

– Упырь-трепло ничем не лучше, – подначила Нана.

– Ерунда, – отмахнулся Петро. – Упырь-трепло ничто в сравнении с ходячим суповым набором.

Нана завертела головой. Деррек обернулся, словно оба кого-то искали. Петро сидел с довольной рожей. По нему было

видно – он уже нашел. Винни тоже повернул голову к входным дверям и замер, уронив отвисшую челюсть. И было от чего.

К их столику твердой уверенной походкой шел скелет. Самый настоящий. Точь-в-точь такой, какого Винни видел на болоте. Только если те потонувшие в болоте кости были голыми, белыми и мертвее мертвого, то эти двигались так, будто скелет был жив. Кроме того, плечи его покрывал черный с алой оторочкой балахон. Назад падал капюшон, обнажающий гладкий желтоватый череп. На руках были кожаные перчатки. А внизу из-под полы балахона торчали дорогие ботфорты.

– А вот и лорд заявился, – со спокойной радостью возвестил Деррек. – Наконец-то все в сборе.

Костлявый в балахоне подошел вплотную и с достоинством поклонился. Легко, одной головой. Двигался он, несмотря на свое гремуче-костлявое состояние, изящно. Причем изящно настолько, что Деррек даже проигрывал в своей аристократичности.

Названный почему-то лордом был истинным аристократом. По духу. Если вообще возможно говорить о духе, живописуя кучу костей.

– Привет тебе, упитанный старик, – помахал подошедшему скелету Петро.

– О, парень с мухами опять буянит, – бодро отозвался тот. Голос у костлявого оказался глубоким. Совсем не старче-

ски скрипучим, как можно было того ожидать. «Интересно, у всей нежити такие бархатные голоса», – подумалось некстати. Винни тряхнул головой, отгоняя невежливую мысль, повернулся к упырю.

Вокруг Петро и вправду кружилось несколько здоровых зеленых мух. Так что костлявый пришелец ничуть не погрешил против истины.

– Не хочу никого обидеть, – наклонился к Петро скелет. – Но мухи редко ошибаются.

Упырь завсхлипывал своим странным смехом, но было видно, что последняя реплика его задела. По всему выходило, что в компании, в которую его привел Петро, самого Петро не шибко жаловали. Винни не совсем понимал, зачем общаться с людьми, которые относятся к тебе таким образом, но выводы делать не спешил. В конце концов, новых знакомцев он знал пока плохо. Что у них на уме – не знал вовсе. По первому впечатлению Деррек и Нана были ему симпатичны. А Петро – первый и единственный, кто пришел к нему на помощь. Так что ссориться ни с тем, ни с другими было недосуг. Разве что скелет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.